

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт «Юридический»
Кафедра «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Руководитель магистерской
программы, д.ю.н., профессор
заведующий кафедрой
_____ С.М. Даровских
_____ 2017 г.

**МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ:
ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА**

ЮУрГУ – 40.04.01.2017.245.Юм
Направление: «Юриспруденция»
Магистерская программа: 40.04.01 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная
экспертиза»

Руководитель магистерской
диссертации, доцент кафедры
Александр Николаевич Скрябин,
_____ 2017 г.

Автор магистерской диссертации
магистрант группы Юм-245
Давид Окроевич Дарцимелидзе
_____ 2017 г.

Нормоконтролер,
Виталина Викторовна Гончаренко
_____ 2017 г.

Челябинск, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, СИСТЕМА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	
1.1 Понятие и признаки следственных действий.....	8
1.2 Классификация следственных действий.....	20
1.3 Доказательственный аспект следственных действий	38
ГЛАВА II ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ, ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	
2.1 Основания производства следственных действий.....	51
2.2 Правила производства следственных действий.....	62
2.3 Контроль и надзор за законностью и обоснованностью производства следственных действий.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	86
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	90

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследовательской работы.

Следственные действия являются одними из важнейших способов собирания доказательств, коррелирующих с иными способами и элементами доказывания. В ходе следственных действий, проводимых государственными органами, обеспечивается одно из главных свойств доказательств – их допустимость. От успешного производства следственных действий и зависит эффективность правосудия по уголовным делам. Следовательно, работникам правоохранительных органов необходима точная и не имеющая двоякого трактования нормативная регламентация следственных действий, с указанием системы и разъяснения сущности данного института. Проблемы и противоречия в отношении следственных действий присутствовали с первого их законодательного закрепления, и ныне действующий уголовно-процессуальный кодекс эти проблемы решает не в полной мере. Безусловно, система следственных действий, по мере развития научно-технического прогресса претерпевала изменения и законодатель подстраивал нормы УПК разных времен под потребности конкретной эпохи. Но если мы говорим о действии уголовно-процессуального закона в демократическом правовом государстве, то необходимо освятить и препарировать все аспекты, дабы случайным образом не посягнуть на права и законные интересы граждан.

Большинство юристов понимают, что следственные действия суть действия, строго регламентированные уголовно-процессуальным законом, и регламентация которых отражена в этих самых процессуальных законах. Но все ли аспекты института следственных действий освящены в законе? Обозначен ли перечень следственных действий? Названы ли субъекты, способные собирать доказательства по делу в целом? Эти и еще многие вопросы, ответы на которые мы попытались уточнить в настоящем исследовании нуждаются не только в теоретической, но и правоприменительной оценке и закреплении,

поскольку только всеобъемлющее понимание любой (общей) научной правовой категории делает данную категорию состоятельной на практическом поле.

Процессуальные действия – родовое понятие, в которое входит и понятие «следственных действий». Но, как мы знаем, в российском процессуальном законодательстве отсутствует точное толкование не только следственных действий, но и признаков и критериев, по которым действия должностных лиц могут относиться к следственным. Причем сам термин неоднократно встречается в немалом количестве статей УПК РФ (ст. 39, 40, 83, 141, 164, 168 и т.д.), а для понятия тех же неотложных следственных действий, которое, надо полагать, значительно уже основного понятия, выделен целый пункт закона (п. 19 ст. 5 УПК РФ). Не находит отголосков это понятие и у теоретиков права, поскольку каждый автор, каждый исследователь в своих научных трудах считает нужным предложить нам свое видение института «следственных действий».

Отсутствие законодательно закрепленного термина «следственные действия» способствует лишь введению в заблуждение практических работников уголовно-процессуального механизма и теоретиков уголовного процесса.

Вышеизложенные обстоятельства способствуют определению актуальности темы исследования и мотивируют на продолжение комплексного изучения проблем, связанных с институтом следственных действий, поиск путей их решения, упорядочение системы и определение целостной сущности.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при производстве следственных действия с точки зрения современного российского уголовного процесса, а также общественные отношения, вытекающие из сферы доказательственной информации.

Предметом исследования выступают как конкретные нормы УПК РФ, освещающие проблемы и положения института доказательств и следственных действий с одной стороны, так и прикладная деятельность компетентных

органов, связанных с производством следственных действий уполномоченными на то лицами с другой.

Цель работы – изучение и определение понятия и системы следственных действий, выяснение их сущности, рассмотрение видов и подвидов, а также выявление пробелов в их государственном регулировании. Анализ имеющихся теоретических положений относительно института доказывания и института следственных действий с обобщением полученной информацией и устранением имеющихся в ней пробелов.

Для достижения изложенных целей было решено поставить следующие **задачи**:

- определения понятия «следственных действий», изучение различных его трактовок

- анализ современного положения системы следственных действий (анализ ныне действующего уголовно-процессуального законодательства о следственных действиях)

- раскрытие сущности и признаков следственных действий

- предложение системного подхода в вопросах классификации следственных действий (выделение системы следственных действий)

- изучение положений и мнений как теоретиков так и юристов-практиков, занимающихся непосредственно производством следственными действий (теоретико-практический аспект).

- обзор судебной практики по делам, в которых имели место споры относительно производства следственных действий, собирания, проверки и фиксации доказательств

- рассмотрение вопросов контроля и надзора за законностью производства следственных действий

- предложения по совершенствованию института доказывания в общем и следственных действий в частности

Теоретической основой исследования служат: Конституция РФ, Определения КС РФ, судебная практика ВС РФ, положения действующего и

ранее действующего уголовно-процессуального законодательства России и стран СНГ и иные ведомственные правовые акты.

Также для более детального понимания проблем и поиска путей их решения нам помогли труды российских и зарубежных учёных-юристов, практиков и теоретиков права, таких как профессора, доктора юридических наук – Семенцов В.А., Калиновский К.Б., Коридзе М. Т., Белкин Р. С., Комиссаренко Е. С., Поляков М. П, Шейфер С. А.

Основными методами и приёмами, которые были задействованы не только в написании данной работы, но и в познании всей темы в целом являются: метод анализа исторической и ныне существующей нормативно-правовой документации и литературы, и сравнительно-правовой метод. Также мы посчитали необходимым пропустить некоторые положения уголовно-процессуального закона через призму теории отражения, активно форсирующей в диалектическом материализме. Анализ истории развития института следственных действий в России позволяет заявить, что при изучении данной проблемы был задействован и метод исторического анализа. Для объединения позитивных и отсеивания негативных аспектов в изучении проблемы института следственных действий различными теоретиками уголовного процесса применялся метод синтеза.

Научная новизна исследования определяется тем, что в современном мире следственные действия не являются статичным аспектом уголовного процесса и находятся в постоянном развитии. Большинство ученых в своих трудах рассматривает систему следственных действий как статичный и несовершенный механизм, но лишь единицы смотрели на нее через призму зарубежной системы и их эклектики. Также новизна раскрывается в положениях, предложенных нами в настоящем исследовании касательно теоретических аспектов института следственных действий, а именно: закрепление понятия «следственные действия», закрепление классификации следственных действий и предложения и рекомендации для развития данного института.

Теоретическая значимость исследования определяется детальным и поверхностным уточнением знаний о следственных действиях, а также закреплением знаний не только в сфере производства следственных действий и собирания доказательственной информации в рамках конкретного уголовного дела, но и охват всего уголовно-процессуального права в целом.

Практической значимостью исследования служит решение существующих проблем института следственных и применение знаний, полученных в ходе написания работы в реальной жизни. Предложенные в данном исследовании факты могут быть использованы законодателем, заинтересованным в развитии такого института, как следственные действия. Предложения, выдвинутые в проведенном нами исследовании могут послужить теоретической основой в работе практических работников, оптимизируя уже имеющиеся у них знания относительно поставленных проблем. Формирование у автора грамотной формулировки и изложения мыслей. Закрепление новых знаний и формирование точки зрения на основе уже имеющихся теоретических постулатов.

ГЛАВА I ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, СИСТЕМА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1.1 Понятие и признаки следственных действий

Следственные действия являются одними из важнейших способов собирания доказательств, коррелирующих с иными способами и элементами доказывания. В ходе следственных действий, проводимых государственными органами, обеспечивается одно из главных свойств доказательств – их допустимость. От успешного производства следственных действий и зависит эффективность правосудия по уголовным делам. Следовательно, работникам таких органов необходима не только точная и не имеющая двойного трактования нормативная регламентация следственных действий, но и практическая их составляющая.

Большинство юристов понимают, что следственные действия суть действия, строго регламентированные процессуальным законом, и регламентация которых отражена в этих самых процессуальных законах.

Процессуальные действия – родовое понятие, в которое входит и понятие «следственных действий». Но, как мы знаем, в российском процессуальном законодательстве отсутствует точное толкование не только следственных действий, но и признаков и критериев, по которым действия должностных лиц могут относиться к следственным. Причем, сам термин неоднократно встречается в немалом количестве статей УПК РФ (ст. 39, 40, 83, 141, 164, 168 и т.д.), а для понятия тех же неотложных следственных действий, которое, надо полагать, значительно уже основного понятия, выделен целый пункт закона. Не находит отголосков это понятие и у теоретиков права, поскольку каждый автор, каждый исследователь в своих научных трудах считает нужным предложить нам свое

видение понятия «следственные действия».

Оценку значимости понятия «следственных действий» в отечественном уголовном процессе можно дать, изучив некоторые исторические нормативно-правовые акты. Так, в тексте Устава уголовного судопроизводства 1864г. Определение «следственные действия» встречается всего 6 раз. В тексте УПК РСФСР 1960г. Данный термин использовался уже около 40 раз, а в тексте же нового, ныне действующего УПК – порядка 125 раз.¹ Можно заметить, что данные цифры свидетельствуют о значимости института следственных действий не только в конкретной сфере доказывания, но и для уголовного процесса в целом.

Вопрос понимания «следственных действий» не закрыт и по сей день. Интересна позиция старшего преподавателя кафедры уголовного процессу МГОУ, кандидата юридических наук Коридзе М. Т., который проделал колоссальную работу в исследовании трактовок понятия «следственные действия», разбив ранее предложенные формулировки теоретиков на 4 группы. К первой группе Михаил Тенгизович относит исследователей, которые видят в следственных действиях процесс собирания доказательств.² Ко второй группе следует отнести исследователей, определяющих следственные действия так же процессом собирания доказательств, но считающих главным не сам процесс собирания, а процесс проверки доказательств.³ Третья группа останавливается сугубо на оценочной стороне следственных действий⁴, а четвертая и вовсе не связывает следственные действия с процессом доказывания⁵. Есть и пятая группа, но она не представляет для нас интереса, поскольку не содержит в себе научной новизны. Эта позиция сводится к тому, что под следственными действиями принято

¹ Воронин, С.Э., Меремьянина, О.В. Основания проведения следственных действий: Учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. – С. 6

² Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. – С. 19.

³ Алексеев, Н.С., Даев, В.Г., Кокорев, Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. – С. 15.

⁴ Очередин, В.Т. Следственные действия в уголовном процессе: Учебное пособие. Волгоград, 2008. – С. 11.

⁵ Победкин, А.В., Яшин, В.Н. Уголовный процесс / Под ред. В.Н. Григорьева. М., 2004 - С. 286.

понимать любые действия, осуществляемые следователем по конкретному делу и в рамках процессуального закона.

Исходя из буквы закона, нельзя сказать, что законодатель напрочь оставил вопрос о понятии следственных действий без внимания, и если он и не дает базового понятия «следственных действий», то хоть как-то закрепляет понятие «неотложных следственных действий». Как мы понимаем, использовать его на практике и замещать им основное понятие «следственных действий» не совсем корректно, хотя бы потому, что неотложные следственные действия – действия, осуществляемые безотлагательно с учетом конкретных обстоятельств, а не конкретным следователем и структурой.¹

Наряду с «неотложными следственными действиями» законодатель посчитал нужным внести в пп. 23) ст. 5 УПК РФ понятие «процессуальных действий», посчитав, что подобного закрепления будет достаточно. В теории все выглядит замечательно – под данное определение можно отнести много общих категорий и пользоваться им исходя из собственных интересов, однако на практике виден значительный перевес в сторону злоупотребления данной нормой. Подобное умозаключение можно легко обосновать, изучив судебную практику по данной статье и углубиться в теоретические проблемы.

Так, например, О. Я. Баев справедливо отмечает, что отсутствие законодательной конкретизации данной нормы, а именно: отсутствие лапидарной формулировки следственных действий, перечня уполномоченных лиц и органов, у которых есть право производить следственные действия могут существенно отразиться не только на конкретном деле, но и подорвать сущность процесса доказывания в целом, нарушая основное его предназначение – установление истины по делу. Также автор сетует на противоречивый дуализм процессуальных действий.

Все следственные действия являются процессуальными, но не все процессуальные действия являются следственными, ведь не все они в

¹ Семенцов, В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. – Екатеринбург, 2006.- С. 102

последующем приобретут статус доказательственной информации. Более того, многие подобные действия даже не преследуют цель получить доказательства по делу.¹ Интересна позиция некоторых авторов (Гаврилин Ю. В., Победкин А. В.), считающих возможным вывести сущность понятия следственных действий через другие нормы. Данный бланкетный принцип видится нам не вполне обоснованным и оторванным от реалий судебной практики.

Многие авторы ошибочно считают, что можно вывести понятие следственных действий путем правового анализа ныне действующих уголовно-процессуальных и около-уголовно-процессуальных норм, однако такая форма представляется нам ошибочной. Пока не будет четкого и емкого определения, отвечающего всем потребностям и запросам уголовно-процессуальной системы, можно выводить и вынашивать свое понятие «следственных действий», однако никакой пользы это не принесет, а вот наличие фундаментальных юридических противоречий – запросто.

Необходимость выделения понятия следственных действий в отдельную норму носит не только теоретический характер, но и напрямую повлияет на практическую сторону медали. Например, если говорить о протоколе следственного действия, то, согласно п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ он допускается в качестве доказательства по делу. И, если будет законодательно закреплён перечень следственных действий, допускающихся в качестве доказательств, то и субъекты, имеющие властные полномочия (их прерогативы и пределы деятельности) будут зависеть от данной нормы.

И это не говоря о том, что закрепление лаконичного и исчерпывающего перечня следственных действий облегчил бы страдания многих теоретиков уголовного процесса, поскольку тема попросту бы снялась с повестки всех статей и конференций и наука могла бы двигаться в более продуктивном направлении, ставя перед собой задачи насущных дней, а не прыгая на костях ошибок двадцатилетней давности. Если не углубляться в историю уголовно-

¹ Баев, О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Науч.-практ. пособие. М., 2003.- С. 18.

процессуальной системы России, и остановиться только на подходах к трактованию следственных, предложенных учеными-современниками, то интересной видится позиция Е. В. Полуяновой, которая определяет следственные действия как регламентированные законом процессуальные действия познавательного характера, производимые субъектом доказывания после возбуждения уголовного дела, а также в рамках судебного следствия в целях обнаружения, собирания, проверки, оценки и использования полученных сведений в качестве доказательств по уголовным делам.¹

И ведь действительно данная трактовка представляется, казалось бы, наиболее всеобъемлющей и лаконично охватывающей все законодательные аспекты. Однако не требуется детального анализа данного определения, чтобы заключить то, что упомянут лишь процессуальный аспект, а о материальных нормах не сказано ни слова.

Так, К.С. Коневец выводит «эkleктичное» понятие следственных действий, опираясь на их виды. Он считает, что следственные действия – действия, направленные на собирание либо проверку доказательств, которые осуществляются органами предварительного расследования путём производства осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента, обыска, выемки, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, контроля и записи переговоров, допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте, производства судебной экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования». И здесь, казалось бы, имеется все необходимое, чтобы поместить определение в главу УПК. Ученый не искал тяжелых путей и воспользовался тем, что просто вывел цель следственных действий и перечислил имеющиеся в законе их виды. Перечень следственных действий гибок и динамичен.

Под влиянием научно-технического прогресса методы, которыми руководствуются преступники, становятся изощреннее, но то же самое можно сказать и о методах борьбы с ними. Внесение изменений в положения УПК

¹ Полуянова, Е.В. Следственные действия в уголовном процессе РФ: понятие, классификация и порядок производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. - С. 10.

относительно добавления нового следственного действия – вещь обыденная и необходимая, чтобы максимально эффективно бороться с преступностью, и, следовательно, во-первых, срок жизни подобной дефиниции очень невысок, во-вторых, вопрос отграничения следственных действий от процессуальных до сих пор остается открытым без прояснения ситуации.

Полагаем, что такой же позиции придерживался и законодатель, посчитавший, что не следует включать в закрепленный УПК тезаурус понятие следственных действий. Дескать, есть цель, есть виды и каждый может по-своему трактовать и пользоваться положениями этих норм. Само собой, данные методы недопустимы для их применения в правовом демократическом государстве, поскольку любая амбивалентность понятий, любая законодательная двоякость нивелирует зачатки нормального функционирования системы, подвергая дополнительной волоките и лишнему труду должностных и заинтересованных лиц. Под целью следственных действий, исходя из буквы закона, следует понимать добычу, проверку и использование любой полученной информации в качестве доказательств.

Ныне упомянутая Е.В. Полуянова отмечает, что предназначением следственного действия (если угодно – целью), определяющим предмет данного института является познавательная деятельность следователя, а не само полученное в результате производства следственного действия доказательство, поскольку наличие материальных следов еще не говорит о причастности лица к совершенному преступлению.¹ Но достаточно ли указывать лишь на наличие познавательной информации? Такой подход представляется нам малопродуктивным.

Разные следственные действия могут преследовать разные цели. Из специфики розыскных целей следственных действий можно выделить следующие. Ч. 16 ст. 182 УПК РФ ставит перед собой цель – обнаружить разыскиваемых лиц и трупов. Ст. 184 УПК РФ ставит перед собой цель – собрать и изъять важные для

¹ Полуянова, Е.В. Следственные действия в угол. процессе РФ: понятие, классификация и порядок производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. - С. 11.

уголовного дела предметы и документы. Сложно сделать вывод, является ли непоследовательность законодателя в вопросах указания целей следственных действий нарочной или так было изначально задумано, поскольку во многих статьях (ст. 189, 192 УПК РФ), так или иначе связанных со следственными действиями не то чтобы не указана цель, а не указан вообще намек на это.

Используемые в нынешнем УПК РФ языковые конструкции, на наш взгляд, не могут в точной мере описать такую категорию как «цель» следственных действий, а это не просто теоретическое упущение, но и огромный камень преткновения для следственной практики. Казалось бы, сколько ошибок и упущений можно было бы избежать, внеси законодатель в УПК несколько строк о цели следственных действий, разъяснив природу этого института в целом. Ни на одном судебном заседании невозможна «теоретическая» победа над практической. И это логично, поскольку мнения теоретиков могут различаться, а закон – есть закон и он должен быть неукоснительно всеми соблюден. Но если законодатель дает некий карт-бланш розыскному крылу уголовного дела, то это непременно сказывается на состязательности и принципе равноправия сторон.

Сторона защиты, как будет сказано позднее, вообще является органом проверки и фиксации следственных действий, нежели стороной их проведения и собирания. Право собирать доказательства хоть и декларировано в УПК (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), однако деятельность адвоката-защитника в этом вопросе сильно ограничена, если сравнивать ее с действиями стороны обвинения. Ч. 3 ст. 86 УПК устанавливает за защитником право на получение доказательств путем:

- 1) получения предметов, документов и иных сведений;
- 2) опроса лиц (с их согласия);
- 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления и т.п.

Правовое закрепление категории «цель» следственных действий положительно сказалось бы на состязательности уголовного процесса, в котором, по мнению многих ученых, прослеживается явное превалирование обвинительного уклона (в отношении проведения следственных действий и

получения доказательств в целом). Поскольку, данное закрепление позволило бы создать теоретическую почву с последующим ее использованием следователем на практике и решением множества уголовно-процессуальных проблем (например: подменой следственного действия иным процессуальным действием). Следователь должен исходить из содержания каждой цели следственного действия перед проведением каждого следственного действия. Скажем, если целью будет являться проверка доказательств (следственный эксперимент, производство экспертизы), то затрагивается процессуальная сторона вопроса, а именно – процессуальное получение информации. Если же, скажем, целью служит закрепление доказательств, то результаты ОРД вполне могут сойти за базу для подобной цели.

Не лишним будет упомянуть в данном параграфе и о наличии такой категории как судебное действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом. П. 32 ст. 5 УПК РФ хоть и закрепляет данное понятие, но не определяет его сущности и отличия от следственного действия или другого иного. Данный институт формировался довольно длительное время, но вопросы перечня этих действий открыты до сих пор. Например, не определен вопрос открытости этого перечня.

Также не определен вопрос о возможности применения иных следственных действий в ходе судебного следствия и т.д. О. Я. Баяев отмечает, что судебные действия – специфичная форма получения доказательств с последующим преобразованием из действий следственных, фактически возводя в абсолют данные действия¹. Справедливо не соглашается с ним С. А. Александрова, указывая на то, что цель следственных действий намного шире и копать надо глубже. Так, она отмечает, что целью, наряду с получением доказательств, является еще и их детальное изучение, оценка и проверка, выяснение

¹ Баяев, О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: научно-практическое пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). М., 2009. - С. 220.

противоречий¹. И, действительно, с этим сложно не согласиться. Принимая суд результат каждого следственного доказательства без разбора, и мы сможем смело считать, что в отечественной судебной системе превалирует тот самый обвинительный уклон. У граждан окончательно подорвется доверие в справедливость судебной системы. Будут опорочены принципы правосудия, закрепленные не только ныне действующим российским уголовно-процессуальным законодательством, но и те, которые отражены в ратифицированных международных договорах и Конвенциях.

Некоторые ученые считают неэффективной идею о том, что суд не пребывает в активном состоянии отправления правосудия, наблюдая за процессом, устраняя возникающие в его ходе ошибки и неточности, с последующим объявлением победившей стороны.² В. И. Зажицкий справедливо, пользуясь положениями ст. 17 и 240 УПК РФ отмечает, что суд должен исследовать (оценить) доказательства и в этом, в том числе, и заключается его активность в доказывании. Методы получения доказательств (информации, имеющей отношение к уголовному делу), способы исследования и изучения (фиксации) доказательств путем познавательной деятельности явно относят судебные действия к следственным.

Проанализировав ч. 1 ст. 86 УПК РФ необходимо уточнить, что суд сам осуществляет следственные действия, однако именуется он судебными. Сам суд не собирает доказательства, используя судебные действия, а делегирует это следственным.

И если с судебными действиями можно разобраться путем анализа ныне действующего законодательства и путем научных исследований, то с категорией «иные» действия вопрос, как минимум для науки, неясен. Попытку разобраться, что же все-таки включает в себя этот термин делали ряды ученых, однако

¹ Александрова, С. А. Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. - С. 129.

² Зажицкий, В.И. Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Государство и право, 2009. - С. 38.

неясности остались и по сей день. Как отмечено в законе, иные действия сродни по цели простым следственным действиям и никакой дихотомии нет.

Однако возникает вопрос – зачем же тогда вносить неразбериху в и так не совсем доступный и не лишенный противоречивости закон? В отличие от следственных действий, иные процессуальные действия не имеют в законе исчерпывающего перечня, поэтому проанализировать их структуру, сущность и особенности представляется маловозможным. Случаи судебной практики не содержат какой-либо информации об апробации данной категории. Возможность фривольно трактовать категорию «иное» в законе может сыграть роль бомбы замедленного действия. Нивелировать данное упущение следует незамедлительным внесением поправки (нормы) в нынешний уголовно-процессуальный закон с обязательным объяснением и раскрытием содержания слова «иное».

Представляется разумным, что иные процессуальные действия суть факультативные действия, направленные на помощь следователю в назначении обычного следственного действия, поскольку, исходя из буквы закона, доказательственную силу имеют только результаты, полученные в ходе проведения следственного действия и никакого иного.

Чтобы еще более всецело разобраться в понимании следственного действия, необходимо просеять его через призму оперативно-розыскных мероприятий. На практике сложилось мнение, что оперативно-розыскное мероприятие – один из способов собирания доказательств по уголовному делу. Некоторые особенности оперативно-розыскных мероприятий схожи по своей природе со следственными действиями, но причислять одни к другим – правовой моветон. И, хотя в законодательстве нет дефиниции оперативно-розыскных мероприятий, ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" закрепляет перечень оперативно-розыскных мероприятий. Не будем останавливаться на перечислении оных, а отметим лишь то, что некоторые оперативно-розыскные мероприятия имеют наружное сходство с некоторыми следственными действиями (ст. 181, ст. 186 УПК РФ).

Однако несостоятельной выступает точка зрения, что результаты оперативно-розыскной деятельности можно считать доказательством по делу. В отличие от следственных действий. И, действительно, ведь оперативно-розыскная деятельность не причислена к процессуальной деятельности, а выступает лишь в качестве механизма обнаружения именно информации \ сведений о совершенном преступлении (возникновения, обстоятельства, способы совершения), которые, в последующем, в лучшем случае смогут послужить основанием производства именно следственных действий. Результаты оперативно-розыскных мероприятий не имеют отношения к доказательственной базе, поскольку не отвечают установленным законом требованиям, но послужить катализатором получения доказательств могут и должны.¹ Автор также верно подмечает, что результаты оперативно-розыскных мероприятий образуют плодородную почву для следственных действий, которые, в свою очередь, являются единственным способом получения доказательств по делу на досудебной стадии.

Еще одной причиной, по которой мы не можем относить данные, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий к доказательствам – то, что проведение оперативно-розыскных мероприятий возможно до возбуждения уголовного дела, в то время как для следственных действий необходимо конкретное предписание в виде постановления о возбуждении уголовного дела. Трудно представить, насколько сильно бы пострадала правовая система и принцип справедливости, допусти законодатель такую оплошность (отнесение результатов оперативно-розыскных мероприятий к доказательствам). Нужда в предварительном расследовании отпала бы, а обвинение могло фривольно трактовать закон в свою пользу. Такого допустить нельзя, поэтому законодатель в ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" указывает на то, что оперативно-розыскные мероприятия выполняют вспомогательную функцию, создавая для них ту самую плодородную почву, о которой было сказано ранее.

¹ Зажицкий, В.И. Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Государство и право, 2010 - С. 65.

Проанализировав законодательство стран СНГ, можно также констатировать, что и их видение ситуации не сильно разнится с видением российского законодателя. Так, положения Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» лишь повторяет российское видение понимания оперативно-розыскного мероприятия.¹ А вот УПК Украины наоборот содержит диаметрально-противоположные УПК РФ сведения. Так, ст. 65 УПК Украины определяет результаты оперативно-розыскных мероприятий как один из источников получения доказательств по уголовному делу.²

Исходя из положений УПК РФ, к доказательствам относятся непосредственно протокол следственных действий и иные документы. Опять встречается не совсем прозрачная категория, которую невозможно не оставить без внимания. Однако здесь законодатель практически не оставил права фривольно трактовать эту норму и выявить эти самые «иные» документы не составит труда и все они закреплены в Федеральном законе от 12.08.1995 N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности". Статья 15 данного закона дает нам понять, что конкретное должностное лицо в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий должно составить протокол о результатах оных. И сам протокол (с указанием хода, методики и результатов проведения оперативно-розыскного мероприятия), что интересно, может считаться доказательством, после возбуждения уголовного дела. Особенностью данной нормы является специфика конкретных оперативно-розыскных мероприятий. В данном случае речь идет только о протоколах изъятия документов, предметов и материалов.

Итак, исходя из вышеприведенных трактовок, и учитывая значительный опыт применения процессуальных норм на практике, считается более правильным принятие точек зрения первых двух групп авторов³, а именно,- любое следственное действие зиждется на процессе собирания и проверки доказательств.

¹ Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З с изменениями и дополнениями от 22 июля 2003 г.

² Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI

³ Ларин, А.М. Следственные действия (определение понятия, терминология) // Оптимизация расследования преступлений: Сб. науч. тр. Иркутск, 1982. - С. 92.

Безусловно, практикующие юристы, возможно, и не нуждаются в кодифицированном понятии следственного действия, но все же, считаем нужным ввести либо в положения ст. 5 либо в 3-й раздел, гл. 11 УПК РФ нижеследующее понятие следственных действий: следственное действие – предусмотренное процессуальным законом средство получения, приобретения и обобщения доказательственной информации, содействующее раскрытию преступления. Однако не следует останавливаться на поверхностном определении понятия следственных действий, поскольку существует риск бесполезности данной затеи непосредственно на практике, и предложить более детальную регламентацию содержания и производства этих самых действий и их цель.

Также нелишним будет отметить, что следственные действия не тождественны ни процессуальным действиям, ни оперативно-розыскным мероприятиям, поскольку имеют разнящуюся правовую природу и цели предназначения. Как результаты оперативно-розыскных мероприятий не могут быть отнесены к следственным действиям, так же как и процессуальные, поскольку не все из них можно отнести к действиям следственным.

Закрепление таких фундаментальных теоретических вопросов пойдет на пользу не только практическим работникам уголовно-процессуального крыла, но и всей уголовно-процессуальной системе страны в целом. Лишь через отсутствие двоякости и фривольности толкования положений конкретных норм можно говорить о справедливом и лишенном непоследовательных действий процессе.

1. 2 Классификация следственных действий

Ни на одном этапе развития отечественного уголовного процесса система следственных действий не была безупречной. Связать едва видимый прогресс, как и в любом другом юридическом аспекте можно, во-первых, со слабой

процессуальной проработкой следственных действий и с фактически отсутствием научно-технических средств и знаний для их проведения. В развитии института следственных действий хотелось бы выделить 3 периода: дореволюционный, постреволюционный и новейший. Не будем слишком углубляться в историю, вспоминая Соборное Уложение с его «челобитными» и «видами», поскольку это не несет никакой практической значимости. Методы производства были чересчур архаичными и их тяжело проанализировать через призму нынешнего уголовно-процессуального законодательства. Также не хотим умалять научные достижения каждого из них, поэтому ограничимся лишь основными особенностями обоих.

Нельзя сказать, что и способы дореволюционного периода были бы востребованы сейчас, но зачатки здравого смысла и положительная апробация все же больше были, чем нет, ведь именно в дореволюционный период становления следственных действий фактически была сформирована ныне действующая их система. Активно в уголовном процессе использоваться понятие следственных действий стало в 1864 г. в Уставе Уголовного Судопроизводства. Сторонам впервые разрешалось присутствовать при производстве следственных действий, были даны основные, использующиеся по сей день понятия (например: обыск, выемка, осмотр, допрос). Также стал активно развиваться институт судебной экспертизы и криминалистики.

И, хотя эти науки были достаточно сырыми, тяжело было не заметить понимание в головах ученых и практических работников о том, что каждый человеческий организм уникален и именно на этом стоит сделать акцент. Само собой, данному колоссальному прогрессу институт следственных действий должен быть обязан зарубежным исследованиям. В целом, невозможно было наблюдать системности в тогдашних следственных действиях. Прослеживался их факультативный характер. Следственное действие можно было осуществить, а можно и не осуществлять, доверяясь воле следователя. Отсутствовала систематизация имеющихся форм производства следственных действий, что и послужило их проблемой для этого периода. За следственными действиями не

наблюдалось надлежащей авторитетности, которой мог бы похвастаться, скажем, следователь, чего не скажешь про последующие периоды развития института следственных действий.

Система следственных действий в советский период претерпела значительные изменения. Наконец-то положения о судебной экспертизе нашли свое отражение в законе и данный институт пользуется огромным спросом в сфере уголовного процесса в целом и в доказывании в частности и по сей день. Единственное, что отличает положения действующего тогда Уголовно-процессуального Кодекса (1923 г.) от нынешнего – отсутствие системного подхода и законодательно-хаотичный порядок закрепления норм, содержащих следственные действия. Первоначальное внимание занимало предъявление обвинения, а завершалось все обыском и выемкой.¹

Уголовно-процессуальный Кодекс Р. С. Ф. С. Р. значительно потерял в системности и последовательности закрепления своих норм по сравнению с Уставом Уголовного Судопроизводства, но сильно приобрел в процессуальном аспекте, если речь касается следственных действий. На наш взгляд, факт данной неоднородности в значительной степени нивелировал факт всесторонней и законодательной проработки, результатами которой мы пользуемся и по сей день.

Логично было бы полагать, что именно на этот период пришлось наибольшее количество споров и вызываемых дискуссий относительно этих самых действий, их понимания, порядка их производства и т.д.

Следующим периодом в развитии института следственных действий был период принятия Уголовно-процессуального Кодекса 1960 г. со своими особенностями. К основным из них можно отнести непосредственно расширение списка следственных действий. Впервые к следственным действиям приравняли очную ставку, опять же, которой по сей день пользуется следователь для

¹ Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. - 1923. - № 7.

установления истины по делу.¹ К следственным действиям был приписан и следственный эксперимент, однако исчерпывающего перечня следственных действий по-прежнему не предвиделось.

Проблема отсутствия четкой системы следственных действий, из которой вытекает другая проблема – проблема необоснованного отнесения одних действий к следственным не была разрешена этим кодексом. Уголовно-процессуальная система оставалась шаткой и восприятие норм уголовно-процессуального кодекса каждым следователем в решении судьбы подозреваемого \ обвиняемого ставилось на первый план. Теоретики права того периода пытались систематизировать этот аспект и в значительной мере помогли государству, но достаточно ли было их помощи?

Так, Дубинский А. Я. относил к следственным действиям задержание подозреваемого и около 8 видов экспертиз.² А. Б. Соловьев, например, ссылаясь на необходимость причисления к числу следственных действий дополнительную проверку показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования.³ А.М. Баранов и П.Г. Марфицин полагали нужным дополнить перечень следственных действий наложением ареста на имущество, эксгумацией, получением образцов для сравнительного исследования, контролем и записью телефонных и иных переговоров.⁴ Естественно, постоянная полемика вокруг практического аспекта следственных действий неволей провоцировала развитие и совершенствование этого института, сопряженного с соответствующим и относящимся к нему законодательством, всячески способствовало развитию теории следственных действий.

В. А. Семенцов утверждал, что вопросы классификации следственных действий, их системы и причисления того или иного действия к следственным

¹ Закон РСФСР от 27 октября 1960 года «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 года. № 40. ст. 591.

² Дубинский, А.Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел: Учебное пособие. Киев, 1987.- С. 48.

³ Соловьёв, А.Б. Проблемы эффективности следственных действий. Ереван: ЕГУ, 1987. - С. 22.

⁴ Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов / Сост. А.М. Баранов, П.Г. Марфицин. Омск: юрид. ин-т МВД РФ, 1997. - С. 66.

носит открытый характер: «по мере своего совершенствования, уголовно-процессуальное законодательство постоянно пополняется новыми познавательными приемами, отражая потребности государства в деле о борьбе с преступностью, возникающие на различных этапах его развития.»¹ Само собой, качество практической составляющей следственных действий, после их бурного обсуждения и совершенствования, заметно возросло и труды теоретиков стали неким прорывом в развитии данного института. Следователи по достоинству оценили мнения ученых и процент не только полученных в ходе расследования доказательств (именно допустимых), но и раскрытия преступлений резко возрос. Но, как показывает практика, конечного результата все дискуссии не приносят. Преступления продолжают совершаться, а процент нераскрытых (именно по вине следователя, отвечающего за производство следственных действий) – увеличиваться.

УПК РФ включает в себя более широкий перечень следственных действий: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверку показаний на месте, производство судебной экспертизы. (ст.176-195, 207 УПК РФ).

В науке советского уголовного процесса ходила полемика относительно признания самостоятельным следственным действием проверки показаний на месте. Ещё в 1959 году высказывалась точка зрения, согласно которой проверка показаний заключалась в том, что «на месте совершения преступления или на месте иного события, имеющего отношение к преступлению, обвиняемый, подозреваемый, потерпевший или свидетель в присутствии понятых указывает, где и что происходило»². Происходила необоснованная корреляция элементов

¹ Семенцов, В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): Монография. – Екатеринбург: УрГЮА, 2006. - С. 27.

² Васильев, А.Н., Степичев, С.С. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, С.С. Степичев. – М.: Госюриздат, 1959. - С. 6.

следственных действий, что и привело к созданию такого следственного действия, как проверка показаний на месте.

Всевозможные несостыковки во мнениях относительно данного вида следственного действия имели место как в 1950-х годах, так и в нынешние дни. Как справедливо утверждал А. С. Рубан: предназначение этого следственного действия, его место в уголовно-процессуальной системе тяжело было определить.¹ Многие теоретики, а так же адвокаты посчитали данную инициативу безосновательной и затрагивающей гарантия прав личности в уголовном процессе. Ларин А. М. в своей лекции-очерке заметил, что в результате проведённых исследований выяснилось, что «ни в одном из уголовных дел, где невиновные (впоследствии реабилитированные) сознались в совершении убийства, не обошлось без проверки показаний на месте»². Как на практике, так и в теории, положения о замене осмотра места происшествия проверкой показаний на месте кажутся нам абсурдными и необоснованными.

Так, А.Б. Соловьёв обоснованно отмечает: «В отличие от осмотра места происшествия, при проверке показаний на месте происходит сопоставление показаний участника с окружающей обстановкой. Иногда при проверке показаний на месте обнаруживаются следы преступления либо вещественные доказательства. Однако при проверке показаний на месте это, скорее, факультативное, чем обязательное обстоятельство, и даже при достижении этой цели она не в состоянии заменить полноценно проведённый осмотр места происшествия»³.

По результатам исследуемых нами дел, закрадывается мысль о том, что проверка показаний на месте несостоятельна в нескольких своих аспектах как с точки зрения теории, так и в практическом механизме их производства. Наглядным представляется дело, рассмотренное Якутским городским судом

¹ Рубан, А.С. Следственный эксперимент: теория и практика: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2009. - С. 7.

² Ларин, А.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / Под ред. проф. В.М. Савицкого. М.: БЕК, 1997. - С. 136.

³ Соловьёв, А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики). Научно-методическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2006. - С. 105.

18.11.2016 г. в отношении обвиняемого К. М. П., которое еще раз подтверждает практическую несостоятельность действий некоторых следователей и ненужное толкование закона с последующим его применением.

Так, по уголовному делу, возбужденному в отношении гражданина Российской Федерации К. М. П., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, обвиняемый был поставлен в известность следователем, что в целях установления обстоятельств (новых), имеющих прямое значение для уголовного дела, показания, данные им в ходе допроса, будут проверены и уточнены на месте. В соответствии с протоколом проверки показаний на месте, указанное следственное действие было проведено с соблюдением всех уголовно-процессуальных норм. Однако по существу не было уточнено ни одного нового обстоятельства, имеющего значения для дела, в ходе производства данного следственного действия. Получается, обвиняемый еще раз указал на место, где совершил преступление, еще раз продемонстрировал действия с использованием манекена и еще раз подтвердил свои показания¹.

Полагаем, что в данной ситуации, и в целях соблюдения прав участников процесса, и в рамках поиска объективной истины, и в рамках процессуальной экономии, уточнить показания можно и следовало бы в рамках допроса, нежели в проверке и так известных показаний.

С. А. Шейфер утверждал: «Малоубедителен приём, когда подозреваемого по указанию следователя фотографируют с «указующим перстом», что якобы свидетельствует о добровольности его показаний и действий. Подобная инсценировка не несёт полезной информации, так как ничем не дополняет показания, данные лицом на местности, отвлекая в то же время внимание следователя от достижения действительной цели».² Исходя из вышесказанного, считается нужным если и включение в нынешний УПК РФ положений о проверке показаний на месте, то более структурированное и доработанное, дабы не

¹ Уголовное дело № 1-1023-16 от 18.11.16 // Якутский городской суд Республики Саха (Якутия)

² Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: монография / С.А. Шейфер. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. - С. 124.

повторять ошибки предыдущих лет. Современный процесс проведения такого следственного действия как проверка показаний на месте сводится к повторному признанию обвиняемым своей вины, но в окружении иных субъектов процесса – незаинтересованных лиц (понятых).

Вторыми по «спорности» следственные действия, являющиеся несоотносимыми именно в связи с их недостаточной научной обоснованностью и рациональностью являются: контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) и получение информации о соединениях между абонентами и(или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Закреплены были данные следственные действия 20 марта 2001г. в еще действующем на тот момент УПК РСФСР и сразу же стали предметом множества научных и судебных споров, как минимум потому, что были помещены в раздел следственных действий, где находились обыск и выемка.

В соответствии со ст. 186 УПК РФ производство данного следственного действия возможно только в случаях совершения преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений на основании судебного решения. Вызвано это тем, что положения ст. 23 Конституции РФ предусматривают право граждан на тайну переговоров, в результате чего у следователей, при производстве данного следственного действия, частично, но связаны руки.

Позиции ученых относительно данного следственного действия заметно разнятся. Так, О.Я. Баев полагает, что следователь самостоятельно это действие не проводит, ограничиваясь вынесением в соответствии с ч. 4 ст. 186 УПК РФ постановления о его производстве и направлении для исполнения в соответствующий орган. Кроме того, делается вывод, что следователь не должен осуществлять это действие, так как оно производится исключительно в негласном режиме и безосновательно включено в систему следственных действий.¹ Изучив мнения теоретиков уголовного процесса относительно такого следственного действия, как контроль и запись переговоров, а так же получение информации о

¹ Баев, О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Научно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2003. - С. 20

соединениях между абонентами и(или) абонентскими соединениями, можно сделать вывод, что «выуживание» информации подобным образом носит скорее разведывательный и негласный характер, который, в последствии, может и не быть использован в суде.¹

Хотелось бы отметить, что УПК не решает проблемы с причислением определенных действий следователя к следственным, поэтому говорить о выраженной системе не представляется возможным. И если в предыдущих кодексах, в силу низкой научной и практической проработанности и апробации методик проведения следственных действий, отсутствие данного перечня было некой особенностью кодекса (уголовный процесс претерпевал изменения и заявлять что-то наверняка было бы ошибочно, что учел и законодатель), то сейчас, в 2017 году, сложно причислить данное упущение к чему-то, носящему исключительный характер. А ведь именно внесение изменений в закон, закрепляющих исчерпывающий перечень следственных действий способствовало бы улучшению ситуации в изучении данного аспекта. Речь здесь не только о всевозможных теоретических спорах, количество которых бы заметно поубавилось и предмет был бы совсем иным, но и о эмпирической составляющей, заключающейся в невозможности развязывания рук следователю для совершения абсолютно ненужных следственных действий либо совершения действий, следственными не являющимися.

В наши дни каждый следователь может по-своему видеть ситуацию, происходящую с логической несостоятельностью и бессистемностью следственных действий, а это так же влечет за собой посягательство и на принципы состязательности и равноправие сторон. Необходимо так же отметить, что современное уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит нормы, обосновывающей проведение конкретного следственного действия, что в очередной раз усложняет всестороннее понимание его сущности и направленности и заведомую дачу карт-бланша стороне обвинения.

¹ Безлепкина, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // СПС «Гарант-Эксперт», 2011 г.

Не лишним будет указать на то, что помимо осмотра и изучения материалов следователи обращаются к советской практике, проверяя архивные и личные документы, что, в свою очередь, никак не отражено в законе как самостоятельное следственное действие. Понятие осмотра хоть и называет ряд конкретных своих признаков, но не раскрывает содержания вышеприведенного аспекта. И к проверке архивной документации следователь относится не как к производству осмотра или иному следственному действию, а как к розыскной деятельности в целом. Негласный характер подобных действий и получения доказательств таким путем зачастую сложно опротестовать в суде, признав действия следователя незаконными и необоснованными.

Изучив множество теоретических подходов, можно дискутировать на тему отнесения к следственным действиям непосредственно задержание подозреваемого, ведь все свойства следственного действия находят себя в подобных ситуациях. Чтобы обосновать такую позицию, необходимо обратиться к общей процессуальной систематике следственного действия. Итак, данные о лице, необходимая информация по делу заносятся в протокол и приобретают статус доказательства. Ч. 2 ст. 92 УПК перечисляет основные моменты, которые необходимо осветить в протоколе задержания подозреваемого. К таковым можно отнести: дату, время, место, способ совершения преступления, мотивы и т.п. Тяжело выдвинуть контраргумент к данной позиции, ведь большинство следователей рассматривает данные, занесенные в протокол задержания, как доказательство по делу. И этим страдают не только практические работники правоохранительных органов. Некоторые суды также относят сведения, полученные в ходе задержания подозреваемого к данным, имеющим доказательственное значение по уголовному делу.

Любая классификация, любой законодательный аспект должен быть систематизирован и упорядочен. Об этом неоднократно утверждал С. А. Шейфер.¹ Подход Семена Абрамовича в классификации видится наиболее

¹ Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма: монография / С.А. Шейфер. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2001. – С. 76.

всеобъемлющим на фоне остальных теоретиков и включает в себя 4 классификационные группы следственных действий.

К первому делению в классификации следственных действий он относит методы отображения фактических данных и рассматривает следственные действия через эту призму, разделяя ее на 3 составляющих:

1) данные, полученные во время расспроса (вербальная информация, результаты опросов и допросов, получаемая с фактическим участием носителя информации). Например: допрос, очная ставка.

2) данные, полученные в результате наблюдения, эксперимента (невербальная информация, полученная опытным путем). Например: обыск, выемка.

3) данные, полученные в результате смешения двух предыдущих групп (корреляция информации с наблюдательными моментами; сочетание словесной составляющей и технической составляющей). Например: проверка показаний на месте.

В пользу данной классификации можно включить отнесение разносторонних методов собирания следственных действий и субъектов получения подобной информации. Редко встретишь такую классификацию, в которой информация тесно переплетается с конкретным физическим результатом.

Второе деление в данной Шейфером классификации занимает непосредственность в процессе получения информации и опосредованность в процессе получения информации.¹ Данная классифицирующая характеристика помогает познать процессуальный и материальный аспекты следственных действий.

К непосредственным процессам, исходя из понимания слова «непосредственный» Семен Абрамович относит способ получения доказательственной информации лично либо через специалиста, с последующим их протоколированием. Непосредственный процесс получения информации граничит с герменевтическими особенностями следователя по конкретному

уголовному делу. Именно от его понимания конкретных предметов и объектов внешнего мира (в т.ч. и нематериальных) зависит результат по уголовному делу. То, как он видит определенный объект, как слышит какое-либо слово, интерпретирует его смысл – непосредственный процесс участия следователя в получении доказательственной информации.

К информации, не сразу доступной для восприятия и говорит опосредованный процесс ее получения. Скажем, при проведении экспертизы, ее объект содержит в себе пока еще недоступные для внутреннего понимания сведения (без вмешательства эксперта, разумеется). И сам эпистемологический метод проходит иначе: следователь ставит интересующие (общие и конкретные) вопросы перед экспертом и ждет ответов на них. Само собой, данный метод получения информации в целом и экспертиза в частности занимают одно из главенствующих мест в теории познания и теории понимания уголовного процесса.

Коммуникативность следователя с другими практическими работниками подобна организму, в котором следователь – мозг (разум), а его помощники – тело (материя). И не стоит умалять достоинство и возможности последних без надобных причин, поскольку «мозг в колбе» - это всего лишь концепция, а уголовный процесс – легитимная конкретика сегодняшних дней. Некоторые ученые (А. А. Эйсман и его сторонники) представляют судебную экспертизу как самостоятельную, отличную от следственных действий форму получения доказательств. С подобным выводом тяжело согласиться. При всестороннем и грамотном сотрудничестве органов следствия с экспертным учреждением невозможно всерьез говорить об автономии последних. Если исследовать научный аспект данного выделения двух схожих и единых по своей цели форм, то можно еще раз убедиться в несостоятельности подобной дихотомии. Деятельность следователя и эксперта – едина, направлена на достижение одной и той же цели (расследование дела и поиск виновных) и не подлежит разрыву, в то же время сохраняя законодательную самостоятельность.

Однако, возвращаясь к возможным противоречиям подобного подхода, и не уходя за рамки настоящего исследования, можно, посредством метода наблюдения, констатировать, что действия эксперта все же не являются следственными. Последнее слово за установлением событий преступления, закреплением у преступления признаков состава лежит не за экспертом, а за следователем. Исключением из этого правила может служить лишь ситуационная экспертиза, в которой эксперт сам определяет границы и объем собственного исследования по конкретному делу с последующим выяснением механизмов совершения преступления и субъективной его стороны. В науке у подобного рода экспертизы не так много сторонников. Теоретики уголовного процесса сетуют на то, что эксперт выполняет работу следователя, а установить все особенности по делу – задача последнего. И эти доводы небезосновательны. Однако тесная связь эксперта и следователя, синхронизация известной обоим информации и одинаковое понимание сути произошедшего редко когда вредили ходу расследования по уголовному делу.

Вопросы ситуационной экспертизы требуют детальной проработки и законодательного разграничения действий эксперта и следователя, однако, это предмет уже другого исследования и заикливаться на нем мы не станем.

К следующему подходу в классификации следственных действий С. А. Шейфер относит «сложность отображаемых объектов». Зачастую, множество следственных действий направлено на получение скрытой «неповерхностной» информации. Обусловлена эта импликация различием объектов проверяемой информации. К примеру, проверить достоверность информации, полученной в ходе проведения очной ставки, необходимо изначально иметь представление о месте совершения преступления (дом, подвал, строение) и из знания этого и будет строиться доказательственная информация. Объем информации зависит от особенностей объекта и это вносит некоторые коррективы в простоту восприятия этой информации.

Четвертым и заключительным делением является цель следственного действия. Безусловно, каждое следственное действие направлено на получение

каких-либо данных, сведений (информации), имеющих отношение к делу, поэтому справедливо считать их целью (следственных действий) непосредственно эти данные и сведения. Однако как справедливо утверждает Семен Абрамович, нам интересна не фактическая сторона информации (установочные данные, показания подозреваемого), а соотносимость этой информации с условиями реальной действительности. И здесь автор обращается к такой факультативной стороне следственных действий как «проверочные» следственные действия. К таковым можно отнести: очную ставку, предъявление для опознания, следственный эксперимент и др.

Сначала может показаться, что «проверочные» следственные действия носят рудиментарный характер. И, вправду, показания подозреваемого \ обвиняемого можно легко проверить показаниями свидетелей. В этом ключе представляется логичным причислить «проверочные» следственные действия к самостоятельной форме получения доказательственной информации. Исходя из названия подобных действий, можно заключить, что созданы они исключительно для того, чтобы проверять информацию, заключающуюся в уже полученных доказательствах.

Основной функцией «проверочных» следственных действий является, как уже было сказано, - закрепление полученной информации, но так ли необходимо законодательное закрепление этой категории, как считает С. А. Шейфер? Автор рассуждает о том, что выделение таких действий в независимую процессуальную категорию положительно скажется на уголовном процессе в целом. Мотивирует Семен Абрамович данный силлогизм тем, что «проверочные» следственные действия полезны для стороны обвинения с точки зрения последующих проверок и контроля в целом. Да, трудно сказать, что практическим работникам стороны обвинения это может помочь, но уголовно-процессуальный кодекс РФ писался не для них одних. Есть подозреваемый, сторона защиты, есть суд, позиция которых к контролю вышестоящего следственного органа за нижестоящим обоснованно индифферентна и в этом нет ничего плохого.

Разумным видится закрепить положения о «проверочных» следственных действиях в локальных подзаконных актах следственных органов, носящих

разъяснительный и консультационный характер в виде инструкций и регламентов. Выносить это на всеобщее обозрение в главный уголовно-процессуальный закон страны – бессмыслица. В результате подобного действия учащаются случаи злоупотребления сотрудниками следствия прав в отношении подозреваемых \ обвиняемых¹ (см. уголовное дело № 1-1023-16 от 18.11.16 Якутского городского суда Республики Саха (Якутия)). Познавательная функция сотрудников органов следствия состоит не в бесконечном уточнении уже имеющихся в деле фактов, а в совокупности подходов, изложенных автором в первом пункте своей классификации.

Разумеется, классификационный список, представленный С. А. Шейфером не является исчерпывающим и не исключает деление следственных действий на иные группы, как утверждает сам автор, но нам он интересен, в первую очередь, с точки зрения закрепления основных особенностей института следственных действий, имеющих ярко прослеживаемую структуру, которой так не хватает в современном уголовно-процессуальном законе страны.

Точка зрения Семена Абрамовича – совокупность последовательных теоретических моментов и благоприятных возможностей для апробации в реальной действительности. Учитывая эти моменты, следователь сможет легко определить, какое следственное действие необходимо произвести, чтобы не выйти за принципы уголовного процесса (в частности – принципы разумного срока). Нам интересен подход С. А. Шейфера к проблеме следственных действий еще и тем, что мнения большинства теоретиков уголовного-процесса, так или иначе переплетается с концепцией деления, предложенной автором. Г. А. Абдумаджидова, Т. Н. Добровольская и ряд многих авторов предложили отличные от С. А. Шейфера методы определения и саму классификацию следственных действий, но в их позиции прослеживается явное превалирование мнения, сформированного в период становления и действия УПК РСФСР 1960-го года.

¹ Уголовное дело № 1-1023-16 от 18.11.16 // Якутский городской суд Республики Саха (Якутия)

На наш взгляд, ни негативное, ни позитивное влияние истории не должны влиять на ныне действующий уголовный процесс. В противном случае, принятие УПК РФ в 2001 году было бы ошибкой. Безусловно, классификация никогда не будет лишней, но вряд ли на практике будет ощутима помощь от архаичных методов и «неучета» современных научно-технических средств. Ведь перечень следственных действий расширился, а точки зрения вышеупомянутых авторов не совсем коррелируют с действительностью.

Примечательной с точки зрения предыдущего высказывания будет точка зрения В. А. Семенцова, который так же делит следственные действия на 4 группы, но с сугубо практическим уклоном.¹ Не будем подробно останавливаться на каждой из них и отметим лишь основные положения.

В первую группу входят следственные действия, цель которых обусловлена методикой их наблюдения (осмотр, освидетельствование).

Ко второй группе автор относит следственные действия, которые направлены на работу с носителем информации (обыск, выемка).

Третья группа, как и у С. А. Шейфера ставит перед собой цель – «расспросить» людей с целью получения информации (допрос)

Четвертой группе автор уделяет особое внимание, называя ее группой, имеющей особые прикладные и технико-экспериментальные возможности, ставя во главу этой классификации получение образцов для сравнительного исследования (проведение судебной экспертизы). Фактически, Семенцов предлагает выделить получение образцов для сравнительного исследования в отдельную категорию следственных действий. Учитывая специфику и характер данного исследования, можно понять посыл Владимира Александровича, но мотив выделения данного следственного действия в самостоятельное уловить тяжело.

Как уже было неоднократно сказано, следственные действия – самостоятельная категория уголовного процесса РФ, а факультативные действия

¹ Семенцов, В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. – Екатеринбург, 2006. - С. 82.

(проверочные, оперативно-розыскные) хоть и оказывают поддержку следственным, но таковыми не являются. Разъяснительный характер получения образцов для сравнительного исследования нашел отражение и в законе. Так, ч. 4 ст. 202 УПК РФ закрепляет за экспертом право на получение таких образцов, который, как было выяснено, субъектом собирания и проверки доказательств не является. Однако и сложно представить, что установление истины в уголовном процессе РФ возложено на получение информации, но без экспертного исследования.

Причем, как показывает практика, эксперт является незаинтересованным в исходе дела лицом. То есть, эксперт-криминалист из различных подразделений ЭКЦ при МВД, выступающий на стороне обвинения не может считаться субъектом, извлекающим выгоду для себя в ходе осуществления своих должностных полномочий.

Подтвердить вышесказанное поможет апелляционное определение № 22-1601/2016 от 1.08.2016, вынесенное Верховным судом республики Коми коллегиально.

Так, по уголовному делу, возбужденному против гражданина Российской Федерации С. А. А., осужденного по ч.2 ст. 228 УК РФ и отбывающего наказание в виде 3 лет в исправительной колонии общего режима, коллегия судей Верховного суда республики Коми в составе председательствующего судьи М. В. В., и судей А. Л. А. и Р. О. А. высказала в апелляционном определении свое понимание ст. 202 УПК РФ. А именно, коллегия признала несостоятельными и необоснованными доводы защиты о недостоверности выводов экспертов, утверждая, что изымаемые для сравнительного исследования образцы были получены без нарушения процедур ст. 202 УПК РФ, поскольку они были изъяты не сотрудником следственного комитета, а незаинтересованным лицом – экспертом.¹

Предложенные авторами концепции понимания классификации следственных действий наталкивают на вполне логичный вывод о

¹ Решение по делу 22-1601/2016 от 1.08.2016// Верховный суд республики Коми

множественности мнений и пониманий данного института, что невозможно рассматривать ни как упущение, ни как достоинство современного уголовно-процессуального законодательства РФ. Плюрализм мнений вполне обоснован и, возможно, должен послужить единообразному пониманию уголовного процесса с последующим законодательным закреплением.

С другой стороны, данная множественность отчасти обусловлена не совсем стабильной ситуацией в стране, ведь если бы все было однозначно, то научные дискуссии на эту тему были бы не нужны и правоведы могли бы сосредоточиться на чем-то более значимом, чем на отстаивании своей позиции по законодательно незакрепленному вопросу.

С учётом изложенного, имеет смысл внести коррективы в структуру раздела 8 УПК РФ «Предварительное расследование» и выделить самостоятельную главу «Производство следственных действий». К следственным действиям, на наш взгляд, следует отнести:

- 1) осмотр (ст. 176-178, 180 УПК РФ);
- 2) освидетельствование (ст. 179, 180 УПК РФ);
- 3) следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ);
- 4) обыск (ст. 182, 184 УПК РФ);
- 5) выемку (ст. 183 УПК РФ);
- 6) контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ);
- 7) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ);
- 8) допрос (ст. 187-191 УПК РФ);
- 9) очную ставку (ст. 192 УПК РФ);
- 10) предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ);
- 11) задержание подозреваемого (ст. 91-93 УПК РФ);
- 12) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ);
- 13) производство судебной экспертизы (ст. 195-207).

Некоторые правоведы справедливо подмечают тот факт, что всякая классификация должна быть основана на фактических и правовых основаниях уголовно-процессуального закона. Отсутствие первого элемента влечет свою несостоятельность данного института на правовом поприще, как и отсутствие соответствия нынешним потребностям общества не будет способствовать детальному правовому разрешению любых споров. Подобное деление следственных действий обусловлено как теоретическими несостыковками правоведов, так и сложившейся практической ситуацией.

Следственные действия являются неотъемлемой и единственной частью уголовно-процессуального закона, ориентированной на получение доказательств с последующим установлением истины по делу, и, поэтому, каждый аспект данного института должен быть теоретически изучен и апробирован, а законодательство – системным и лишенным двоякого толкования.

1.3 Доказательственный аспект следственных действий

Как уже было упомянуто, следственные действия – распространенный и важный аспект уголовного процесса, не имеющий терминологического закрепления и допускающий свое двоякое толкование. Ни метод сопоставления с предыдущими редакциями УПК, ни метод самостоятельного выявления данного определения не должны быть использованы в правовом государстве. Отличным от этого термина является термин «собираания доказательств», ведь в ныне действующем уголовно-процессуальном кодексе раскрыто понятие лишь доказательств (ст. 74 УПК РФ). Как такового единого понимания термина «собираание» выдвинуто не было, а нынешнее многообразие в представлении его форм, без учета теоретических точек зрения законодателем, позволит нам создать лишь еще одно мнение с последующей его энтропией в пучине уже озвученных

мнений. Советская теория доказывания детально освещала аспект доказательств и доказывания, указывая не цели, предмет и сущность этого института и, непосредственно, собирание, оценка и проверка доказательств проходили через призму последних, что фактически лишало теоретиков возможности каким-либо образом трактовать эти действия.¹

И, исходя из вышесказанного, можно констатировать, что вопросы проработки сущности института доказательств должны быть тщательно проработаны, чтобы их практическое применение не вызывало лишних вопросов.

Если обратиться к истории доказательственной информации, то впервые упоминание о ней прослеживается не в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, а в Основах уголовного судопроизводства союза ССР. Положения из Основ уголовного судопроизводства союза ССР успешно переключало в УПК РСФСР, понимая под доказательствами: «фактические данные, на основе которых уполномоченные на то органы (дознание, следствие, суд) устанавливают наличие \ отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица и иные обстоятельства».

Но, несмотря на наличие в главном процессуальном законе союза ССР понятия доказательств, вопросы сущности, а в последующем и эффективности, достаточности, оценки и проверки носили в кругах правоведов дискуссионный характер. Первым, серьезно подошедшим и детально разобравшимся с проблематикой данного института, на наш взгляд, принято считать В. Я. Дорохова, который предложил дуализм понимания доказательств и доказательственной информации, разделив основное понятие на познавательное восприятие доказательств и правовые аспекты в понимании доказательств.

К первому аспекту доказательственной информации он относил соотношение субъекта с объектом (формы с содержанием), а правовой же аспект был ознаменован требованиями относимости и допустимости. Доказательство по Дорохову – совокупность полученных фактов с процессуальным источником.

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное. М., Юрид. лит., 1973. С. 241.

Данный подход нашел свое место не только в правоприменительной практике времени действия уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., но и по сей день практические работники активно пользуются плодами данной концепции.

Нивелируя архаичные моменты предыдущей теории, следует отметить, что в наши дни необходимо делать упор на эпистемологический аспект любого института и институт доказательств – не исключение. Природа преступления такова, что после его совершения на его месте остаются материальные носители информации (например, отпечатки пальцев рук). Они существуют сами по себе, но ценность для уголовного дела приобретают лишь тогда, когда практический работник, посредством следственных действий изымет такой след и приобщит к материалам дела, задав этим объектам процессуальный статус.

В диалектическом материализме есть понятие «отражения» как всеобщего свойства материи. То есть, следователь может оперировать полученными и уже материально истощенными фактами, и может лишь попытаться воссоздать картину преступления (на помощь ему в этом деле приходит такое следственное действие как следственный эксперимент), но это не умаляет доказательственные свойства последних. Так же не умаляет это и тот факт, что доказательство – ни что иное, как поток информации, необходимой по делу. Р. С. Белкин называл любую информацию по делу (устанавливающую истину) – информацией, имеющей доказательственные свойства, а к субъектам информации справедливо причислял одушевленные и неодушевленные предметы материального мира.¹

Ныне действующий уголовно-процессуальный кодекс РФ фактически продублировал положения предшествующего кодекса. С точки зрения науки интересен тот факт, что ни одна мысль ни советских теоретиков, ни правоведов современности не была апробирована, но, с законодательной точки зрения – система доказательств просуществовала в режиме другого экономического и общественного строя и не нуждается в редактировании даже после 41 года ее применения. Нельзя утверждать, что такой подход был бы правильным, ведь

¹ Белкин, Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966.- С. 41.

поменялись не просто положения в законе и территория союза подверглась сегрегации, но поменялся и политический режим.

Тоталитаризм сменила демократия, антропоцентризм занял главенствующее положение и все концепции стали проходить отбор с позиции гуманности, чтобы избежать ошибки прошлых лет. Так и с доказыванием и доказательствами. Безусловно, дефиниция нормы уголовно-процессуального кодекса понесла изменения, но не настолько значительные, чтобы говорить о видимом прогрессе.

Так, ч. 1 ст. 74 УПК РФ закрепила за собой также сведения, на основании которых правоприменительные органы (следователь, суд, прокурор) устанавливают не наличие либо отсутствие вины, а обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Такой «двухэтапный» подход в изучении доказательств порождает некую двойственность их понимания, отождествляя субъект получения доказательств с объектом (то, на что они направлены). Нельзя сказать, что современное понимание доказательств законодателем упростило изучение этого аспекта, поскольку 90% времени в изучении доказательств теперь уходит на их анализ с точки зрения допустимости, проверяя в рамках закона каждый источник, из которого они были получены.

Любой правовед, произнося слово «доказательство», не говоря уж о тех, кому приходится их изучать, сразу анализируют в дальнейшей фразе признаки допустимости и относимости. Исследуя данные признаки, можно также наткнуться на множество несостыковок и противоречий. Относимость характеризуется как способность выуживать из большого объема информации материального и нематериального мира ту, которая непосредственно относится к делу и устанавливают по нему истину. Если доказательство устанавливает обстоятельства по делу либо проверяет уже имеющиеся в деле доказательства, то суд признает их относимыми.

Также следует упомянуть о том, что относимость доказательств должна пониматься не только в позитивном ключе, подтверждая какие-либо факты, но и в негативном – отвергая и опровергая уже собранные доказательства. Под относимостью можно понимать закрепленный в законе способ сортировки

доказательств, который призван, чтобы блюсти за соблюдением принципов уголовного процесса (в т.ч. принципа разумного срока).

Допустимость же означает отсутствие выходов за рамки действующих законов в получении и использовании доказательственной информации. Конституция РФ также закрепляет положения о допустимости доказательств, указывая в ч. 2 ст. 50 правило, согласно которому полученные с нарушением закона доказательства признаются не имеющими юридической силы. Уголовно-процессуальный кодекс (ст. 75 УПК РФ), в свою очередь, практически закрепляет для обвинения профессиональные и этические нормы поведения, говоря о возможных последствиях нарушения данной нормы. Допустимость и недопустимость целесообразно рассматривать с нескольких сторон:

- 1) «проверяемость» источника доказательственной информации
- 2) законность методов получения доказательственной информации (закрепление, порядок получения и т.п.)

- 3) правомочность субъекта, получившего доказательственную информацию

Если после получения доказательства не возникает ни одного вопроса по трем этим пунктам, то, как утверждает законодатель, оно прошло проверку на допустимость и может использоваться стороной обвинения.

Проблемой предстает тот факт, что в правоприменительной практике отсутствует единство формы этих двух факторов, что влечет за собой конкретные проблемы. Доказательство признает таковым совокупность относимости и допустимости (совокупность формы получения и содержания полученного), но о том, что эти аспекты равны и чаша весов правоприменителя не приклонена ни в какую сторону сказать не представляется возможным. Дихотомическая сторона этих аспектов не позволяет в полной мере рассматривать их как элемент целого (доказательства), а лишь делает возможным анализ обеих категорий по отдельности, что недопустимо, если речь идет о процессе доказывания и установлении истины по делу.

Следует отметить, что ч. 2 ст. 74 УПК РФ процессуально закрепляет за собой источники доказательств и к ним относятся показания (подозреваемого,

обвиняемого, потерпевшего, свидетеля), однако в науке разнятся мнения относительно природы данного источника. Так, А. Б. Соловьев указывает на то, что показания являются скорее видом получения доказательств, нежели источником. М. Е. Токарева солидарна с вышеназванным автором и приписывает показаниям свойства вида доказательственной информации, полученной в результате проведения допроса.¹ Источником же, в понимании этих авторов, является непосредственно протокол допроса. Подобные точки зрения представляются нам не совсем обоснованными, поскольку, разделяя сведения на черное и белое, на устное и письменное, они тщетно посягают на природу непосредственно сведений, а не разделяющих их подтипов. Разрыв единства понимания сущности сведений и источника их получения как раз и приводит к отсутствию благоприятного теоретического и практического их применения, что, в свою очередь, затрудняет работу уголовно-процессуального механизма страны в целом.

При подобном безосновательном и не имеющим под собой почвы дуализме сложно даже предположить, о каких доказательствах будет идти речь. Практические работники, исходя из данной концепции, должны будут метаться из стороны в сторону, думая, что же является доказательством: протокол допроса или сами показания лиц?

Показательным примером злоупотребления нормой 74 УПК РФ будет дело, рассмотренное Челябинским мировым судом №4 в отношении гражданина Я. Х. А., доказывающее двойственную природу понимания вида и источника доказательств правоприменителем.

Так, по уголовному делу, возбужденному в отношении гражданина Российской Федерации Я. Х. А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, мировой судья Б. Н. Ф., изучив: рапорт полицейского, протоколы выемки и личного досмотра, заключения экспертов, и протоколом принятия устного заявления потерпевшего, и оценив их

¹ Соловьёв, А.Б., Токарева, М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. – М.: Юрлитинформ, 2010. - С. 166.

совокупность вынес вердикт о виновности Я. Х. А. в инкриминируемом преступлении, указав на то, что данной информации хватит, чтобы признать человека виновным в совершении преступления.¹

Добросовестные следователи, составляя обвинительное заключение, делают акцент на показания свидетелей, и не придают доказательственного статуса протоколу допроса. Но не все работники обвинительного крыла уголовно-процессуальной системы способны грамотно пользоваться нормами доказательственного права.

В результате вышесказанного, напрашивается справедливый вывод о том, что российская правоприменительная практика нуждается в уточнении правовой природы института доказательств и доказывания, ведь только посредством всестороннего понимания видов, источников, классификации и единства доказательственной системы возможно удовлетворение потребностей уголовно-процессуальной системы.

Не лишним будет упомянуть и о собирании доказательств, поскольку этот аспект упирается в основополагающие принципы уголовного процесса (в т.ч. справедливости). В данный момент не существует теоретического единообразия по данной категории доказательственной информации. УПК РСФСР 1960 г. предписывал собиранию доказательственной информации признаки автономности. Хотя положения ранее действующего УПК содержали в себе положения и о субъектах и способах собирания доказательств, на научном фронте велись ожесточенные баталии в связи с этим законодательным закреплением. Дабы не быть многословными, хотелось бы отметить, что основными темами спора были именно признаки собирания доказательств. Ряд авторов относил к признакам собирания доказательств их обнаружение и фиксацию² (А. И. Винберг), а некоторые напрочь отвергали причастность собирания к этим двум категориям (Н. В. Терзиев). Интересным, но несколько архаичным и частично утратившим актуальность представляется мнение П. А. Лупинской, которая

¹ Уголовное дело № 1-18/2017 от 23.03.17 // Челябинский мировой суд судебного участка №4 Челябинской области

² Винберг, А.И. Криминалистика. Раздел 1: Введение в науку. – М., 1950. - С. 17.

отмечала, что собирание доказательств – деятельность суда, следствия, дознания и прокурора, направленная на получение (истребование) доказательственной информации. По сути дела, последнее определение имеет место быть в нынешней уголовно-процессуальной системе, но, с принятием в 2001 году УПК РФ, к категории субъектов собирания доказательств был добавлен и защитник (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Однако у этой новеллы российского уголовного процесса есть и свои недостатки. Хотя и даже Конституция РФ декларирует, что судопроизводство осуществляется на основании принципа состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), это не мешает уголовно-процессуальной машине усиленно контролировать и препятствовать механизму собирания доказательств защитником. По мнению многих теоретиков государства и права, российский уголовный процесс имеет скорее форму смешанного, чем состязательного. И с этим сложно не согласиться. К сожалению, на практике происходит умаление данного принципа, нежели его развитие.

Исходя из анализа положений уголовно-процессуального кодекса, трудно не заметить тот факт, что сведения, полученные адвокатом-защитником (собранные им доказательства) не проходят проверку на допустимость, являясь просто информацией, которая может быть принята следователем, а может быть отвергнута им же. Такая законодательная опора на плечи стороны обвинения может серьезно расшатать принцип состязательности и склонив российский уголовный процесс в обвинительную сторону. Отсутствие процедуры получения доказательств защитником, инструментария их собирания, правовая неопределенность данной проблемы не предоставляют адвокату активно реализовывать свои полномочия, и лишает подозреваемого \ обвиняемого его конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, декларируемое ст. 48 Конституции РФ.

На наш взгляд, процессуальное придание силы действиям адвоката внесло бы значительный вклад в совершенствование принципа состязательности и развитие уголовно-процессуальной системы РФ в целом. Достичь это можно лишь путем

приравнивания средств фиксации доказательств адвоката к средствам фиксации органов дознания, следствия, однако констатировать тот факт, что на законодательном уровне в эту сторону делаются какие-то шаги не представляется возможным.

Позиции множества ученых в рамках изучения вопросов о доказательствах всегда объединял факт системного подхода в изучении данного явления. Также нельзя не отметить тот факт, с каким глубоким пониманием проблем института доказательств подошли некоторые из них, рассматривая собирание доказательств в рамках его элемента (структура, способ и метод собирания, фиксация и т.п.) по отношению к общей уголовно-процессуальной деятельности.

Данную точку зрения развивал С. А. Шейфер. Он утверждал, что доказательства не предстают перед нами в готовом виде, а их необходимо сформировать. Так, Семен Абрамович постепенно вводил в научный обиход понятие «формирования доказательств».¹

Автор не отрицает наличия объективного существования следов, но проводит некую грань между этим существованием (объектом) с субъектом, собирающим эти доказательства и осуществляющим познавательную деятельность (следователь). Любое оценочное восприятие следователем своих действий должно быть не просто результатом герменевтических особенностей индивидуума, а имеющим за собой законодательное подкрепление (допустимость, относимость), закрепленное на бумаге (фиксация доказательств). По мнению С. А. Шейфера формирование доказательств ни что иное, как овеществление информации и придание ей «протоколированного» характера. Иными словами формирование доказательств – комплекс операций, проводимых субъектом доказывания в целях изобличения реального носителя информации, с последующим приданием информации процессуального статуса.

Насколько одни доводы автора кажутся нам логичными, настолько в них присутствует некая неопределенность, принять которую без надлежащего анализа

¹Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. - С. 9.

было бы неправильно с точки зрения нашего научного подхода. Несмотря на весомый вклад в науку Семеном Абрамовичем, нынешнее законодательство внесло коррективы в положения, действующие на период написания им своих работ, оттого и возникает небольшое неприятие данной концепции скорее на уровне процессуальном, нежели на теоретическом.

Проблема имеет и семантические начала. Так, термин «формирование» означает сознательный процесс постижения человеком конкретных сторон его личности или же осознанное совершенствование старых и создание новых личностных качеств.

Сложно представить, что стало бы с уголовным процессом, если доказательства создавались волей практических работников. Самовольное создание информации об объективной действительности, ее фривольное трактование и иные действия, которые сочетает в себе определение «формирование» в значительной степени отразились бы на признаках допустимости и относимости доказательств.

Вполне допустима ситуация, когда под формированием можно понимать процессуальное оформление, заверение и придание документам юридической силы, но тогда непонятен вопрос относительно формирования полученных в результате следственных действий данных. Как уже было сказано ранее, следователь может лишь сформировать собственное мнение (а суд – убеждение) и отношение к совершенному преступлению, но ни один документ, ни одно предписание не даст ему права подстраивать под себя объекты материальной действительности в угоду получения нужной информации. Поэтому, несомненно, доводы Семена Абрамовича, с одной стороны, должны быть осмыслены каждым теоретиком права, но с апробацией данных методов стоит повременить.

Возвращаясь к теории отражения, следует упомянуть, что взаимодействие объектов материальной действительности с событием преступления делает благоприятным и познание произошедшего (преступления). Пропустив некоторые свойства доказательств через призму диалектического материализма, можно с уверенностью констатировать, что в уголовном процессе доказательства

представляют собой конкретные данные (факты), являющиеся отражением познаваемого материального и нематериального объекта и, безусловно, возвращаясь к правовым реалиям, подлежат фиксации.

Ряд ученых считал иначе (Е. А. Доля), выдвигая теорию об автоматическом («механистическом») способе познания объективной природы доказательств. Иными словами, сторонники данной концепции фактически признавали форму процесса получения доказательств рудиментарной и оторванной от события преступления. Доказательства, по мнению Н. А. Якубовича, если рассматривать их как процесс получения необходимых для уголовного дела данных посягает на само себя (на информацию, заложенную в себе) и подстраивает эти данные под собственные нужды. Полагаем, подобные концепции в своей форме отрицают основные постулаты доказательственного права, ведь посягательство на объективный характер доказательственной информации ставит под сомнение назначение самой цели доказательств – установления истины по делу.

Итак, изучив некоторые проблемы следственных действий как источников доказательств, можно констатировать, что теоретики уголовного процесса в рамках вопросов института доказывания, как можно понять, заняли 2 противоположных лагеря в своих мнениях. Принять позицию какого-либо из них очень сложно, поскольку мириада здравого смысла содержится в воззрениях каждого из них, но если выжать все самое, на наш взгляд, ценное из этих воззрений и сформировать свою точку зрения, то можно сформировать свою позицию по данному вопросу.

Полагаем, что правильным было бы закрепить в рамках уголовно-процессуального кодекса положения о доказательственном аспекте следственных действий, представив его в виде «реализации уполномоченными на то органами действий по производству следственных действий, цель которых состоит в собирании (извлечении) следов преступления. При этом, должностные лица, в обязанности которых входит проведение следственных действий, должны процессуально зафиксировать извлеченную информацию или смежные по уголовному делу факты».

Само же собирание доказательств и вопросы, смежные с действиями, совершаемыми с ними являются если не самыми важными, то уж точно стоящими внимания со стороны уголовно-процессуального закона, и, следовательно, нуждаются в детальном изучении со стороны теоретиков уголовного процесса.

Изучив материалы судебной практики, трудно заявлять о единообразии понимания и применения норм уголовно-процессуального закона. Можно констатировать лишь о том, что зачастую неверное субъективное понимание правоприменительным органом позиций относительно конкретного следственного действия занимает главенствующее положение в решении о судьбах людей, что недопустимо с точки зрения правового государства, несущего в себе демократические начала. Чтобы избежать судебных ошибок, законодателю необходимо учесть все представленные правоведами позиции и на основании проведенного анализа внести в уголовно-процессуальный закон страны следующие поправки:

1) В ст. 5 УПК РФ (либо гл. 11 УПК РФ) закрепить определение «следственных действий».

2) Посредством анализа сложившейся правоприменительной практики законодательно закрепить систему следственных действий (с указанием предназначения данной категории и закреплением перечня этих действий).

3) Убрать препятствия для адвоката-защитника, реализующего принцип состязательности сторон в уголовном процесса и, в то же время, для подозреваемого \ обвиняемого, который не может в полной мере воспользоваться правом на получение квалифицированной юридической помощи, посредством расширения его (адвоката) полномочий в сфере доказывания.

Также на основе всего вышесказанного, можно прийти к выводу, что понимание системы следственных действий в РФ не только с точки зрения науки, но, особенно, в практическом ключе нуждается в уточнении и конкретном переосмыслении. Что понимается под следственным действием в уголовно-процессуальном законе РФ? Какие действия можно считать следственными, какие – смежные с ними, а какие не относятся ни к одному из этих типов? Почему одни

следственные действия считаются таковыми, а другие нет? Кто субъект собирания следственных действий? Эти и еще многие вопросы, ответы на которые мы попытались уточнить в настоящем исследовании нуждаются не только в теоретической, но и правоприменительной оценке и закреплении, поскольку только всеобъемлющее понимание любой (общей) научной правовой категории делает данную категорию состоятельной на практическом поле.

ГЛАВА II ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ, ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

2.1 Основания производства следственных действий

Важнейшие основания производства следственных действий, имеющие научный и практический интерес представляется возможным поделить на фактические и правовые. Не секрет, что механизм производства следственных действий напрямую затрагивает права и свободы человека и существенно может ограничить их. Но при отчетливом соблюдении участниками уголовного процесса норм уголовно-процессуального права можно минимизировать процент этих самых ограничений. Основания производства следственных действий служат гарантией прав участников от произвольного ограничения прав и свобод.

К примеру, тот же вызов на допрос свидетеля представляет собой некое ограничение для гражданина и давление на него, ведь в повестке указаны последствия неявки и т.п. Так, Демидов И. Ф. разумно подметил, что граждане, являющиеся участниками уголовного процесса волей-неволей обязаны покорно соглашаться с предписаниями правоохранительных органов и быть во власти их контроля, а отказ же в выполнении их процессуальной обязанности карается законодательно закрепленными мерами принуждения.¹

Законодатель предусмотрел один из немногих защитных механизмов, хоть как-то положительно влияющих на вынужденного участника уголовного процесса, суть которого заключается в том, что незаконное и необоснованное производство следственных действий делает доказательство недопустимым, и

¹ Демидов, И.Ф. Проблемы прав человека в Российском уголовном процессе. (Концептуальные положения). – М., 1995. - С. 41.

негативно отразится на следствии, дав толчок для следственных органов, заставивший их учиться на своих ошибках.

Нелишним будет и упоминание о том, что каждая ошибка правоприменителей влечет за собой возмещение государством ущерба пострадавшей стороне в реабилитационном эквиваленте. В следственной практике чёткие законодательные формулировки помогают следователю избежать двоякого толкования норм закона и достигнуть положительного результата.

О.В. Меремьянина, выносит свое видение категории «оснований производства следственных действий», не совсем справедливо замечая, что под ней необходимо понимать важную (процессуально) информацию по делу, выражающуюся в конкретных сведениях, несущих характер доказательственной информации¹, тем самым препарировав понятие «оснований» через себя самого.

Подобного мнения придерживаются некоторые теоретики права (И. В. Шевчук), рассматривая основания производства следственных действий, пользуются имеющимися в законе положениями, возводя их в свою точку зрения, и не придавая никакой научной новизны данной проблеме. Такой подход был бы обоснован, если бы законодательство в части следственных действий хоть на часть было бы доведено до приемлемого уровня. В нашем же случае, происходит подмена законодательных понятий «цели» и «сущности» следственного действия, что никоим образом не улучшает степень научной проработанности проблемы.

Рассматривать под основаниями общие формы и методы производства следственных действий, как это делают некоторые авторы, не представляется разумным, поскольку, подменяя категорию «оснований» производства следственных чем-то другим, уже имеющимся в законе, мы глубже уходим от первоначального понимания данного института.

¹ Меремьянина, О.В. Основания проведения следственных действий: Учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. - С. 45.

Другая же группа правоведов вообще считает, что следователь волен совершать следственные действия по своему усмотрению, пользуясь личными соображениями воспринимаемой следственной тактики.¹

Обращаясь к систематике данной проблемы, следует констатировать, что научные споры ведутся на фронте определения классификации оснований производства следственных действий, без желания сформулировать само понятие этих оснований.

Пользуясь правом научного выдвижения собственного определения, попытаемся в лаконичной форме обозначить основные особенности института оснований производства следственных действий и непосредственно само определение. Итак, под основаниями производства следственных действий рекомендуем понимать систему законодательно закрепленных правил поведения, позволяющих осуществлять то или иное следственное действие, с обязательной мотивировкой сущности таких действий. Считаем данную трактовку наиболее всеобъемлющей и освещающей основные моменты имеющегося понятия. Также считаем, что в научно-правовом смысле определение должно обладать синергией факта с правом, т.е., связи сведений о проводимом следственном действии с законодательно закрепленными нормами и минимизацией рисков в виде нарушений прав и свобод граждан.

Н. В. Жогин справедливо подразделяет основания производства следственных действий на виды в зависимости от субъектного состава каждого из них (наличие \ отсутствие у должностного лица права на производство конкретного следственного действия)². И с данным делением сложно не согласиться, поскольку следственное действие – серьезный процессуальный ход и государство сознательно возлагает обязанности по их производству на специально уполномоченных на то должностных лиц, исключая из субъектов проведения следственных действий лиц, в обязанность которых не входит

¹ Божкова, Н.Р. Следственная (криминалистическая тактика): Учебное пособие / Н.Р. Божкова.. Саратов, 1996. - С. 56.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, М., Юрид. лит., 1973. С. 331

проведение этих действий. Только суд, прокурор, следователь и следователь могут производить подобные действия, и об этом нам говорит ст. 86 УПК РФ.

Возвращаясь к субъектному составу в отношении лиц, уполномоченных на производство следственных действий, можно увидеть, что законодатель включил

туда и прокурора, что нам кажется не совсем состоятельным, ведь его процессуальное положение претерпело значительные изменения. Прокурор вправе работать с доказательствами только на судебных стадиях процесса. Прокурор, согласно действующему УПК РФ наделен полномочиями по представлению доказательств в суде первой инстанции (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), а также работать с доказательствами кассационного порядка, но и здесь, проанализировав ранее положения о следственных действиях, его действия подпадают под категорию «процессуальных», нежели непосредственно следственных.

Теоретики права предлагали усовершенствовать институт прокуратуры посредством наделения специальных их субъектов (помощник прокурора, прокурор-криминалист), полномочиями в производстве следственных действий, мотивируя это наличием достаточной степени квалификации у работников государственного обвинения, однако сложно сказать, что законодатели восприняли подобную идею с восторгом. Еще одним рифмом реальности, о который разбился корабль с подобными надеждами стало и то, что в Российской Федерации с этой задачей уже успешно справляется Следственный комитет и может спокойно существовать без вмешательства в практическую их составляющую прокурорских работников.

Руководитель следственного органа принимает дела к своему производству и стадия предварительного расследования находится под его тщательным контролем. Полномочия начальника органа дознания сходны по своей природе с полномочиями руководителя следственного органа, и, в рамках предмета данного исследования было бы лишним перечислять все их полномочия в назывном порядке, но пропустить тот факт, что 2 этих

государственных института наделены полномочиями по производству следственных действий. Безусловно, круг полномочий первого значительно шире, чем у начальника подразделения дознания, но и это обусловлено его процессуальной природой, поскольку ведение расследования для начальника органа дознания – скорее право, чем обязанность, в отличие от следователя, назначением и главной обязанностью которого как раз и является проведение этого самого расследования.

Научные и практические споры разворачиваются вокруг проблемы защитника как собирателя доказательств. Ряд авторов считает, что внесение адвоката в список лиц, предоставленный ч. 1 ст. 86 УПК РФ необоснованно, поскольку это разнится с положениями уголовно-процессуального права о том, что доказательство должно быть получено уполномоченным на то лицом, коим адвокат, по их мнению, являться не должен.¹ Другие же исследователи придерживаются иной точки зрения, считая, что реализация принципа состязательности невозможна без обеспечения благоприятными условиями для работы не только стороны обвинения, но и стороны защиты. Единственные доказательства, которые может собирать адвокат – процессуально незакрепленные опросы, предметы и документы, которые приобщаются к делу по воле следователя и иные доказательства, на основании которых он выстраивает тактику защиты. Мы солидарны с последней сонмой авторов и так же полагаем, что подобная состязательная нестабильность является нам не совсем приемлемой в демократическом правовом государстве, ставящем права человека и гражданина на первый план.

Наделение защитником фундаментальных прав и строгих обязанностей в отношении собирания доказательств решило бы множество процессуальных и фактических проблем. Ведь основным мотивом, который движет законодателем в рамках отсутствия совершения подобных действий служит то, что собранные защитником доказательства не отвечают основному их свойству –

¹ Цыденова, О.Г. Нравственно-правовые основы деятельности адвоката-защитника на предварительном следствии в российском уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2006. - С. 21

допустимости, и единственной причиной тому является отсутствие процессуального статуса его действий. Безусловно, нынешний уголовно-процессуальный закон дает право адвокату на собирание доказательств, но на практике этих действий недостаточно, чтобы надлежащим образом представлять интересы своего подзащитного и реализуя право на квалифицированную юридическую помощь.

Несправедливыми по отношению к основополагающим принципам уголовного процесса являются мнения ученых относительно того, что собирание доказательств - властная прерогатива органов обвинения, а защитник должен быть лишен этой власти. Невооруженным взглядом очевидное посягательство на институт состязательности и равноправия сторон, ведь в подобных концепциях прослеживается четкий обвинительный уклон.

Показательным будет дело, рассмотренное судьей Рязанского областного суда Н. О. Б. в отношении С. Л. М., осужденной на 1 год и 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима по совершению преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УПК РФ. Судья Н. О. Б. в апелляционном постановлении представила судебное видение собирания доказательств, заключив, что в соответствии со ст. 86 весь порядок собирания доказательств определяется следователем, фактически вытесняя сторону защиты не только из этого дела, но и из процесса доказывания в целом.¹

Выводы теоретиков права о том, что уровень герменевтических и эпистемологических способностей адвоката значительно ниже в области доказательственной информации не находят ни одного практического подкрепления. Адвокат, согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»² – независимый профессиональный советник, и, по сути своей, единственное лицо которое осуществляет защиту по делу. Он является профессионалом защиты по

¹ Уголовное дело № 22-167\2017 от 23.03.17 // Рязанский областной суд Рязанской области

² Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. № 100 от 05.06.2002.

уголовному делу, но вынужден выстраивать ее тактики, опираясь больше на правовую сторону дела, а фактами в это время оперирует сторона обвинения.

С. В. Бочинин придерживается точки зрения, согласно которой адвокат «априори» не может быть субъектом собирания доказательств и предлагает возложить обязанности по их обнаружению, собиранию и фиксации сугубо на следственные органы. Такой подход виделся бы нам состоятельным, если бы следственные органы не были процессуально закреплены за стороной обвинения и не работали бы на нее. Беспристрастность органов следствия и дознания, возможно, позволила бы зародить в подобных высказываниях авторов зачатки здравого смысла, но сейчас, в данное время, заявлять об этом в демократическом правовом государстве – значит упускать основную суть понимания права и гуманности закона.¹

Разобравшись с некоторыми правовыми основаниями производства следственных действий, невозможно пройти мимо процессуального закрепления последних. На наш взгляд, документальное оформление проведения следственных действий содержит много законодательных неточностей и вносит неопределенность в общую правовую картину закрепления следственных действий. Уголовно-процессуальный кодекс РФ гласит, что следственные действия производятся на основании имеющегося у следователя протокола, однако, на практике данное положение не всегда может быть реализовано исходя из смысла, заложенного законодателем. Существует негласное деление на следственные действия, требующие процессуальное закрепление (протокол) и не требующие и это видится нам вполне алогичной системой их (следственных действий) фиксации.²

Как справедливо утверждает С. В. Ефремова: наличие достаточных данных полагать, что необходимо производство следственного действия и процессуально оформленное постановление – разные по своей природе вещи. С

¹ Бочинин, С. В. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве. – Хабаровск.: Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2014. - С. 122.

² Дубинский, А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. – Киев, 1984. - С. 21.

одной стороны, мы видим превалирование «личных убеждений» следователя, способствующих лишь возможности злоупотребления правом, а с другой – документ, отвечающий требованиям законности и являющийся доказательством по уголовному делу.¹

Это так же важно с позиции исследования доказательств судом. Можно придать суду весь штат сотрудников органов следствия и расспрашивать их об их убеждениях, которыми они руководствовались, осуществляя производство следственных действий, а можно, не приостанавливая их трудовой функции, изучить протокол, в котором будут отражены основные моменты проделанной работы.

Также не лишним будет упомянуть, что наравне с законностью и обоснованностью, некоторые следственные действия нуждаются еще и в мотивировке своего проведения (выемка, эксгумация).

И хотя о сущности «мотивированности» в законе не сказано, полагаем, что правильным будет понимание данного определения через призму достаточных оснований полагать, что... (необходимо проведение этих следственных действий). Иными словами, мотивированный признак проведения следственных действий – признак, отвечающий за наличие абсолютной уверенности следователя в проведении конкретного следственного действия, сопряженной с законной его подоплекой.

К еще одной особенности российского уголовного процесса можно отнести и то, что сам факт наличия постановления о проведении следственного действия еще не гарантирует моментальную возможность его проведения. Статья 195 УПК РФ указывает, что прежде чем начать производство экспертизы по уголовному делу, необходимо убедиться, что все участники уведомлены о ее производстве.

Подводя итог в изучении правовых оснований производства следственных действий, стоит еще раз остановиться на определении таковых и даче

¹ Ефремова, С.В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. - С. 218.

заключительной оценке в вопросах их научной и практической проработанности. Правовым основанием производства следственных действий предлагаем считать отвечающие требованиям законности, обоснованности и мотивированности, документально зафиксированные правомочия субъектов уголовного процесса, устанавливающие сущность проведения конкретного следственного действия.

Исследуя вопрос фактических оснований, которым было уделено особое научное значение, считаем наиболее близкой к правильному пониманию этого аспекта точку зрения В. Я. Дорохова. Автор, исходя из принципов метода отражения, выводит собственное понимание фактических оснований проведения следственных действий, рассматривая их через призму самого факта и фактических данных полагать, что... (необходимо производство следственных действий для получения доказательств по делу).¹

Полагаем, что в настоящем исследовании именно такой трактовки необходимо придерживаться, когда речь будет заходить о фактических основаниях производства следственных действий.

В научных подходах к данной проблеме прослеживается некое единство мнений. Большинство теоретиков уголовного процесса схожи во мнении, что фактические основания производства следственных действий суть фактические их данные и с этим сложно не согласиться.

Однако констатировать, что институт оснований производства следственных действий развит в достаточной степени можно сказать большой натяжкой. На наш взгляд, степень законодательной проработки присутствует только у такого следственного действия как обыск. Так, законодатель закрепил в ст. 182 УПК РФ положения об основаниях производства обыска, включив туда наше дихотомическое деление на правовые и фактические. Согласно ч. 1 ст. 182 основаниями производства обыска как раз и присутствует наличие

¹ Дорохов, В.Я. Общее понятие доказательства в советском уголовном процессе: Советский уголовный процесс. М., 1981. - С. 216.

фактических данных полагать о причастности конкретного лица к конкретному преступлению.

Полагаем, что правильным было бы законодательно закрепить особенности каждого следственного действия, руководствуясь той формулой, которая была задействована при составлении дефиниции статьи 182 УПК РФ.

Также законодатель часто прибегает к формуле «наличие достаточных данных (оснований) полагать», что на наш взгляд подлежит пониманию, как наличие соответствующей информации, на основании которой можно сделать суждение (не вывод) о полезности конкретного следственного действия (мотивировочный характер производства следственных действий).

Но этот неопределенный характер внутренних убеждений практического работника на практике не должен соприкасаться с фривольной трактовкой понимания следователем положений о применении конкретного следственного действия. Некоторые ученые, например С.В. Ефремова разрушают такую непоследовательность, отмечая, что любое предположение не является объективной категорией, отражающей потребности общества, и относится непосредственно к пониманию (герменевтике) субъектом любого аспекта.¹

Предположение в производстве следственных действий должно носить под собой почву стабильного, взвешенного, и, самое главное, – законного поступка, поскольку целью работы следователя (в рамках доказательственного права и производства следственных действий), на наш взгляд, является получение доказательств, посредством совершения следственных действия, с преобразованием своих предположений в объективно имеющуюся информацию по уголовному делу. В идеале, в последующем, эта информация и должна устанавливать истину по делу, отвечая всем законодательным требованиям доказательства.

Нерешенным и имеющим явные противоречия с точки зрения науки уголовного процесса остается вопрос об использовании сведений оперативно-

¹ Ефремова, С.В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса. Самара, 2004. - С. 12.

розыскной деятельности как основания производства следственного действия. В. И. Зажицкий предложил свое видение данной ситуации, указывая на тот факт, что сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности могут считаться основаниями производства следственных действий, но с некоторыми оговорками, которые сужали круг следственных действий, к которым данное правило могло бы примениться.

Итак, резюмируя вышеперечисленное, можно сказать, что фактическими основаниями производства следственных действий можно считать тесную связь источника получения доказательственной информации с тем, какую проблему следственное действие пытается решить (цель) и на что направлено. То есть, фактические основания – относящиеся к делу соображения следователя об объективной действительности (по конкретному делу), не выходящие за уголовно-процессуальные рамки.

Подводя итог, хотелось бы заключить, что проблемы пересечения результатов оперативно-розыскной деятельности с основаниями производства следственных действий, на наш взгляд, решаются внесением в законы, определяющие оперативно-розыскную деятельность положений по их законности, обоснованности и мотивированности. То же самое касается и следственных действий.

Вышесказанное предложение мотивируется тем, что если и ст. 164 УПК РФ частично определяет сущность института следственных действий, то оперативно-розыскной информации это никак не касается.

А законность и обоснованность (плюс мотивированность), как известно, призваны для того, чтобы обезопасить граждан от неправомерных посягательств со стороны органов следствия, и, поэтому, наличие единообразного понимания вопросов основания производства следственных действий решит имеющиеся процессуальные проблемы и будет способствовать отсутствию порождения новых. К сожалению, мы вынуждены сетовать на большой процент придания нормам уголовного процесса оценочного и фривольного их понимания, что не допустимо в демократическом правовом

государстве, а отсутствие дуализма понимания и приход к единообразной точке зрения лишней раз послужит гарантом от посягательств на права и законные интересы граждан.

Опираясь на труды исследователей, изучив судебную практику, в которой так или иначе фигурируют следственные действия, доступные для самостоятельного препарирования, считаем нужным понимать под основанием производства следственных действий совокупность конкретных уголовно-процессуальных положений и жизненных ситуаций, имеющих отношение к конкретному делу, позволяющих принимать законное и справедливое решение о назначении этих самих действий, обусловленное значительным количеством информации о деле. Полагаем, что данное понимание вопроса содержит в себе не только перечисление оснований (признаков) производства следственных действий, как можно ошибочно подумать, но и раскрытие сущности фактических и правовых оснований этого института.

2.2 Правила производства следственных действий

Дефиницию статьи 164 УПК РФ можно считать новаторскими относительно нынешнего состояния уголовного процесса, поскольку УПК РСФСР 1960 года еще слабее раскрывал сущность института следственных действий. И если на законодательном уровне и было закреплено большинство ныне производимых следственных действий, то сам практический аспект их собирания, фиксации и приобщения к уголовному делу, на наш взгляд, не до конца был понятен правоведам. Увидев этот пробел, законодатель поспешил его заполнить путем введения общего порядка производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ), соблюдение которого будет не только не нарушать права граждан, но и способствовать увеличению числа допустимых

доказательств, полученных на стадии предварительного расследования. Само собой, каждая новелла не может не привлечь внимание теоретиков права.

Так, один ряд авторов указывает, что общий порядок производства следственных действий по своей сути призван с целью обеспечить соблюдение требований законности и обоснованности, чтобы никоим образом не посягнуть на прав и свободы участников уголовного процесса.¹ Нам интересна предоставленная точка зрения, поскольку, исходя из логики сказанного, пределы злоупотребления правами участников уголовного процесса следователем значительно сужены и практически сведены к минимуму.

Изучая процессуальный подход к каждому следственному действию (к его производству), на поверхность выплывает вопрос: почему некоторые следственные действия требуют процессуальный документ на свое производство (совершение), а некоторые могут собираться (или нет) на усмотрение следователя? И, если вникнуть в эту проблему глубже, то возникает еще один логичный вопрос: почему на производство некоторых следственных действий необходимо судебное решение, а некоторые, так же, требуют решения одного лишь следователя? Так, ч. 1 ст. 164 УПК РФ содержит в себе позицию, что некоторые следственные действия производятся не иначе как по постановлению следователя (обыск, эксгумация, выемка). Обыск же жилища не требует постановления следователя, т.к., это более ответственный этап в совершении следственного действия и для его проведения необходимо получение судебного разрешения.

Разумно считать, что следственные действия могут быть различны лишь по степени их давления на гражданина и ущемление его прав. В научной литературе имеется много подтверждений данной концепции.² Именно поэтому законодатель, в целях защиты участника уголовного процесса, устанавливает ряд специальных положений, заключающихся в определении

¹ Алонцева, Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда. Науч.- практич. Пособие. – М.: Юрлитинформ, 2008. - С. 23.

² Безлепкина, Б.Т. Комментарий к УПК РФ. 9-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2010 // СПС Консультант-Плюс.

уровня (иерархии) их вмешательства в жизнь граждан. От того, насколько права и свободы человека затронуты и зависит выбор процессуального оформления следственного действия.

Механизмом реализации данного вида защиты служит то самое процессуально оформленное письменное решение (документ) о проведении следственных действий с одной стороны, и, судебный контроль над производством таких действий – с другой. Положения уголовно-процессуального закона (ч. 2 ст. 164 УПК РФ) же содержат в себе перечень следственных действий, для проведения которых необходимо только судебное решение.

С обратной же стороны, законодатель посчитал нужным не давать запрета на вынесение постановления о проведении следственных действиях в случаях, когда данное действие носит рудиментарный характер. Иногда сами эти постановления призваны облегчить ситуацию следователю. Например, при решении о вопросе повторного следственного действия следователь может вынести (с мотивировкой причин) постановление о повторном проведении следственного действия.

К общим правилам производства следственных действий относят те правила, которые не представлены в ст. 164 УПК РФ. Отсылочный характер диспозиции ст. 164 УПК РФ наводит нас на положения, закрепленные в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, в которой сказано об исключительных полномочиях суда в уголовном процессе, но констатировать тот факт, что последняя закрепляет за собой исчерпывающий перечень этих следственных действий не стоит.

Так, исходя из положений п. 3 ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», можно понять, что обыск в отношении адвоката производится только лишь при наличии у следователя судебного разрешения.¹ Конституционный суд разъяснил эти моменты, обозначив следствию, что без

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Рос. газ. № 100 от 05.06.2002.

судебного решения ни о каком обыске адвокатских помещений (в т.ч., жилых и служебных) не может быть и речи.

Следует отметить, что положения Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» строго регулируют не только вопросы производства в отношении адвоката такого следственного действия как обыск, но и вопросы производства всех следственных действий в его отношении в общем.

И такой законодательный контроль отнюдь не безоснователен. Наша точка зрения совпадает с мнением законодателя о том, что любое следственное действие в отношении адвоката должно производиться с процессуального согласия на то суда.

Учитывая смещение чаши весов в сторону обвинительного уклона российского уголовного процесса, мы видим подобную опеку вполне состоятельной.

С другой же стороны, проанализировав российское уголовно-процессуальное законодательство относительно проблем производства следственных действий в отношении адвоката, можно увидеть, что гл. 52 УПК РФ, в принципе, предоставляет адвокату ряд гарантий в отношении следственных действий, применимых к нему, но этого, на наш взгляд, недостаточно, чтобы была возможность с уверенностью говорить о достаточности в мерах законодательной защиты специальных субъектов уголовного процесса.

Ограничения, диктуемые законом в рамках производства следственных действий в отношении адвоката ценны еще и тем, что их призвание – охрана такого фундаментального для принципов уголовного процесса явления как адвокатская тайна. Следовательно, лишая органов следствия безосновательного проведения следственных действий в отношении адвоката (а именно в таком виде они предстают перед нами, поскольку любого добросовестного следователя никогда не затруднит получить судебное решение на проведение подобных следственных действий), законодатель позаботился не сколь о

личности адвоката (ведь это бы в статусном плане возносило адвоката над другими гражданами и участниками процесса), сколь о нормальном функционировании уголовного процесса, соблюдением его принципов и основных постулатов.

И это разумно, поскольку сам адвокат, как должностная единица, хоть и является важным субъектом уголовного процесса и несет на своих плечах ношу хранения адвокатской тайны, в плане общественной значимости не выше члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы, поэтому, опекая режим адвокатской тайны, законодатель обезопасил себя от бесчисленных жалоб на нарушение прав и основных свобод гражданами в его отношении.

Любая угроза раскрытия содержания адвокатской тайны напрямую связана с личностью адвоката. Сам адвокат не обязан раскрывать содержание адвокатской тайны и только суд может подтолкнуть его на это, издав конкретные предписания (решение) для органов предварительного следствия, чтобы они вмешались в подобный режим.

Не уходя от сути положений ст. 164, не лишним будет уточнить, что диспозиция данной статьи распространяется на абсолютно все следственные действия. Примечателен вопрос о производстве следственных действий в ночное время. Ч. 3 ст. 164 УПК РФ гласит, что в ночное время производство следственных действий недопустимо, кроме случаев, не терпящих отлагательства. Такой подход законодателя видится нам насколько состоятельным, настолько и не лишенным противоречий, поскольку покой граждан (В Челябинске и Челябинской области с 23:00 до 8:00) ставится выше установления истины по делу.

Само собой, такое толкование лишает следователя возможности осуществлять свои полномочия в отношении производства следственных действий, указывая на то, что покой вовлеченных в уголовный процесс граждан может быть нарушен. С другой стороны, если этот вовлеченный участник «не возражает» против проведения в отношении него следственных действий, то состоятельность данного подхода видится с трудом.

Допустимость полученных доказательств не рассматривается через призму сомнения, если участник процесса не возразил о нежелании производства в его отношении следственных действий.

Судебная практика в этих вопросах не сильно разнится. Так, решением по делу № 22-1103\2017 судебной коллегией саратовского областного суда в отношении осужденных за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ Б. Н. В., К. А. М. и др., было продекларировано, что производство допроса в отношении осужденных после 22:00 было законным и обоснованным, т.к. наличествовало согласие на проведение данного следственного действия. Суд верно посчитал допрос в ночное время суток не требующим отлагательства, осужденным были разъяснены права, они изъявили свое согласие на проведение в отношении них следственного действия.¹

Исходя из вышеперечисленного, можно отметить, что положения о безотлагательности производства следственных действий реализуются в отношении граждан, чей покой может быть нарушен, из-за производства следственных действия в ночное время, но если лицо не желает воспользоваться своим правом на тишину, то наличествует форма его одобрения и подтверждения участия в производимых следственных действиях. Производство следственного действия процессуально фиксируется и осуществляется в общем порядке.

Относительно новым в практике уголовного процесса РФ является закрепленное в ч. 7 ст. 164 положение о допуске к участию в следственном действии лица, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Следует отметить, что основным лицом, осуществляющим производство следственных действий по-прежнему является следователь, однако, в некоторых случаях его сил недостаточно и он вынужден прибегать к помощи со

¹ Уголовное дело № 22-1103/2017 от 5.05.17 // Судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда

стороны других практических работников в лице сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность выполняют роль активных помощников, но никак не перехватывают полномочия следователя в решении процессуальных и фактических вопросов производства следственных действий. Мы считаем нужным указать на это (отсутствие инициативных настроений у сотрудников, осуществляющих ОРД), поскольку ряд некоторых ученых превозносил волю сотрудника, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность выше воли следователя в вопросах, составляющих предмет и назначение следственных действий (Попов Н. М.). В случае несостыковки позиции сотрудника, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность с мнением следователя, последнее слово всегда лежит за следователем.

Безусловно, связь специализированных служб с органами правопорядка по определению не может пагубно повлиять на ход рассматриваемого дела, но это не исключает факта законодательных разнений, ведь нет четко прослеживаемого перечня полномочия этих сотрудников.

Примечательным видится дело №1-8\2017, рассмотренное Селивановским районным судом Владимирской области, в отношении К. С. А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и ч. 2 ст. 307 УК РФ. Гражданин К. С. А. обвиняется в злоупотреблении должностными полномочиями и подстрекательством сотрудника экспертного подразделения. Будучи начальником отдела уголовного розыска полиции, осуществляя функции представителя власти, попытался своими действиями раскрыть преступление, злоупотребив должностными полномочиями и склонив одного из арестованных к написанию явки с повинной. К. С. А., используя полномочия присутствовать при проверке показаний на месте, закрепленные ч. 7 ст. 164, зная, что арестованный им гражданин изложит следователю преступный

помысел К. С. А. начал создавать искусственные доказательства, не предусмотренные явкой с повинной (не отраженной в них).¹

Как справедливо отмечают некоторые правоведы, у таких лиц нет ни права участия в качестве понятого, поскольку это напрямую идет в разрез с законом, ни права на дачу экспертной оценки и право быть привлеченным в качестве специалиста, ведь уровень их профессиональной подготовки и их общая направленность далеки до состояния, в котором их компетенции могло бы хватить, чтобы решить серьезные уголовно-процессуальные задачи, поставленные следователем.

Так, например, А. Н. Халиков приписывает участие сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность к обыденной форме осуществления органами обвинения своей функции.² Иными словами, связь между следователем и лицом, в полномочия которого входит осуществление оперативно-розыскных мероприятий – повсеместное и общепринятое явление. Но относится ли подобная связь к обусловленным законом положениям? Полагаем, что нет, поскольку, и законодательно и теоретически, отсутствует прямое взаимодействие двух этих субъектов друг на друга, и, следовательно, создается профессиональный барьер, процессуально завязывающий руки обоим сотрудникам этих подразделений, что в свою очередь затрудняет их добросовестное осуществление своих полномочий.

Представляется разумным закрепить следующий порядок взаимодействия (разделения) следователя с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Во-первых, организационное деление на органы, осуществляющие следствие и органы, ответственные за проведение оперативно-розыскной деятельности и их тесное сотрудничество между собой. Целью данной

¹ Уголовное дело № 1-8/2017 от 14.03.17 // Селивановский районный суд Владимирской области

^{1 2} Халиков, А.Н. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / А.Н. Халиков. – М.: Юрлитинформ, 2010. - С. 111.

операции является раскрытие преступлений и их предупреждение, что может благоприятно отразиться на снижении уровня преступности в стране в целом.

Во-вторых, ситуации, когда лицо, осуществляющее оперативно-розыскные мероприятия участвует в производстве следственного действия ради помощи органам следствия (с разрешения следователя и под чутким его контролем). Реализуется как бы «добавочная» функция сотрудника, осуществляющего оперативно-розыскные мероприятия по отношению к следователю. Выражается подобный вид сотрудничества обычно либо во временном увеличении штата для работников системы следственных органов либо же в привлечении сведущих людей для благоприятного течения следственного действия. Перечень вспомогательных функций, которые выполняет должностное лицо, осуществляющее производство оперативно-розыскных мероприятий не является закрытым. Так, скажем, некоторые авторы (Котов В. В.) отмечают, что вспомогательной функцией по отношению к сотруднику следствия может быть признана функция контроля за лицами, в отношении которых проводится обыск. Согласно ч. 8 ст. 182 УПК РФ следователь имеет право лишить лиц, присутствующих на месте обыска возможности покидать это место, а так же иметь вербальные связи (переговоры). Сам следователь, выполняя функцию «производителя» следственного действия, не всегда может проконтролировать присутствие, а если и может, то уж точно не может проконтролировать сокрытие с места осуществления обыска. Для этого он и прибегает к помощи лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, которые и обеспечивают нахождение лица на месте, в котором проводится обыск.

В-третьих, ситуации, когда лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность участвует в производстве следственного действия с целью достижения собственных оперативно-розыскных целей. Иногда возникает потребность в получении органами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия сведений, имеющих значение для разведывательных целей. Такое право декларирует ст. 95 УПК РФ, закрепляющая моменты встречи сотрудника служб, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия с подозреваемым

в целях получения необходимой информации и осуществлении превентивных функций в противоборстве преступности.

Полагаем, что не все правила производства следственных действий отражены в ст. 164 УПК РФ. Помимо закрепленных общих правил, считаем необходимым отнести в их же категорию правила относительно процессуального регулирования роли понятого в уголовном процессе.

Участие понятого в следственном действии (ст. 60 УПК) определяет правовой статус понятого, требования, предъявляемые к привлечению гражданина в качестве понятого и т.п.

А.Н.Сторожева отмечает, что права и обязанности лиц, которые принимают участие в деле в полной мере реализуются, если эти лица понимают сущность не только своих прав, но и смысл производства следственных действий и основные постулаты института доказывания.¹ Автор справедливо относит к вышесказанному категорию понятых, которые не могут чувствовать себя естественно и комфортно при производстве следственного действия ввиду отсутствия их юридической (профессионально направленной) подготовки.

Суть понимания данной проблемы автор заключает в своих выводах, подмечая весьма значимую роль в разъяснении прав гражданам, далеким от практического юридического поля и с этим нельзя не согласиться. От того, насколько серьезно следователь подходит к делу, во многом зависит дальнейшая судьба уголовного дела. Разъяснять права необходимо не только с законодательной точки зрения, но и с практической, чтобы обезопасить себя от признания доказательств недопустимыми, разрушая барьер между собой и понятым с целью установления истины по делу, поэтому, считаем нужным снять с подобных отношений клеймо формального характера.

Однако нередко случаи из судебной практики, когда разъяснению прав понятым придавался этот самый формальный характер, но суд все равно признавал содержание протокола следственного действия законным.

¹ Сторожева, А.Н. Понятой в российском уголовном судопроизводстве: дис.канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. - С. 73.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Пермского краевого суда рассмотрела в апелляционном порядке дело №22-1365\17 в отношении осужденной в соответствии с нарушениями ч. 2 ст. 228 гражданки Л. Р. В. И гражданина О. М. А., не согласившись с доводами защиты, что отсутствие разъяснительного характера в работе следователя может пагубно повлиять на исход дела. Защита же просила исключить из перечня доказательств протокол осмотра места происшествия в связи с тем, что понятым не были разъяснены их права, что могло повлечь за собой неполное понимание ими сути произошедшего, и признания данного доказательства недопустимым. Однако суд учел мнения не понятых, а показания следователя, который подтвердил в суде, что разъяснил понятым их права, что еще раз подтверждает не вполне серьезное отношение в понимании сущности института понятых практическими работниками.¹

С точки зрения процессуального положения понятого, он рассматривается в теории и практике уголовного процесса как иной (самостоятельный) участник уголовного процесса. Буква закона дает нам четкое определение понятого и возможность ограничить круг их лиц. Так, например, не могут быть понятыми близкие родственники лиц, участвующих в деле.

Поверхностный анализ нормы, заключенной в п. 3 ч. 1 ст. 5 УПК РФ позволяет понять сущность «близости» отношений понятых с участниками процесса. Так, закон устанавливает, что близкие лица (не путать с родственниками) – лица, свойственно относящиеся к участвующим в уголовном деле лицам (зависимость одного лица от другого, при этом не закрепленная законодательно, личные отношения между людьми). Само собой, необходимо исключить из списка понятых таких лиц, если в деле участвуют их близкие лица, поэтому, считаем целесообразным дополнить положения ч. 2 ст. 60 УПК РФ и закрепить в субъектный состав данной нормы (в отношении невозможности участия отдельных субъектов) в т.ч. близких лиц.

¹ Уголовное дело № 22-1365\17 от 2.03.17 // Судебная коллегия по уголовным делам Пермского краевого суда Пермского края

Понимание вопросов участия в уголовном деле понятых не носит характера достаточной научной проработанности. Но ведь эта законодательная новелла, не характерная для советского понимания права, облегчает процесс признания полученного доказательства допустимым. Следователь «удваивает» степень достоверности доказательства, что отражается в протоколе следственного действия, удваивая и качество уголовного процесса в целом.

К проблемам института понятых в отношении их участия и увеличения критериев получения допустимых доказательств можно отнести то, что зачастую практические работники пренебрегают наличием данного института в системе уголовного процесса РФ, привлекая в качестве понятых штатных сотрудников своего ведомства. Нередки случаи, когда следственные органы привлекают в качестве понятых уборщиц и студентов-практикантов своего ведомства.

Показательным будет осветить в исследовании дело, рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Саратовского областного суда судом, в котором М. И. А. был обвинен в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228 УК РФ. Так, ознакомившись с приговором суда 1 инстанции и апелляционным определением по этому делу можно усмотреть факт как раз привлечения со стороны правоохранительных органов в качестве понятых своих студентов, однако, примечательна позиция суда, считающего, что привлечение сотрудниками УФСКН в качестве понятых своих стажеров (а это сотрудники УФСКН признали) никак не влияет на установление истинности по делу. Доводы защиты в суде первой инстанции относительно этого законодательного упущения не были преданы детальному изучению, а апелляционная инстанция в своем определении заключила, что отсутствие заинтересованности стажеров в исходе данного уголовного дела позволяет признать их показания допустимыми, а протокол с их подписями привлечь в качестве доказательства по уголовному делу.¹

¹ Уголовное дело № 22-589\17 от 22.02.17 // Судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда Саратовской обл.

В связи с этими проблемами, институт понятых подвергается критике со стороны представителей законодательной власти и они, к сожалению, не обосновательны. Сам Конституционный суд считает институт понятых «формой контроля при производстве некоторых следственных действий (задержание лица, обыск).

Таким образом, изучив теоретические и практические составляющие производства следственных действий, можно сделать вывод, что деятельность следственных органов должна так организовывать сам процесс следственных действий, чтобы ни одна из сторон не была ущемлена в своих правах, ни один из участников не стал жертвой злоупотребления и неправильного понимания следователем своих прав. Допустимое доказательство – важный элемент для обеих сторон, участвующих в уголовном процессе, поэтому исход дела зависит не только от предоставляемых защитником фактов, а сам институт следственных действий полноценно работает лишь при соблюдении всеми участниками норм об их грамотном производстве.

2.3 Контроль и надзор за законностью и обоснованностью производства следственных действий

Для того, чтобы задачи уголовного процесса в РФ решались в активной степени, необходимо исходить из принципа минимизации совершения правоприменителем ошибок и злоупотребления им полномочий. Цель не должна оправдывать средство, а истина по делу устанавливаться путем подобных принципов. Демократическое правовое государство по своей сути подразумевает защиту своих граждан от посягательств (злоупотребление полномочиями) должностных лиц, но исключать человеческий фактор ни в коем случае нельзя.

Хоть следователь и правомочен определять ход расследования (определять следственные действия), задавая ему собственное направление, как об этом говорит п. 3) ч. 2 ст. 38 УПК РФ, это не исключает обязанности государства контролировать действия следователя через специальные органы.

К общим видам контроля за действиями сотрудников, осуществляющих следственные действия относятся: судебный контроль и прокурорский надзор. Первый вид представляет нам особый научный интерес.

В теории и практике уголовного процесса сложилось представление о формах контроля. Сам термин «контроль» принято рассматривать через предмет судебной деятельности, а надзор относить к деятельности прокурора. По своей форме контрольная деятельность представляет собой что-то вроде наблюдения, просмотра деятельности (некая форма уголовно-процессуального аудита). Несмотря на ведомственное (организационное) различие этих двух форм контроля, нельзя не отметить, что различия еще и предмет подобного контроля, включая и процессуальный аспект.

Интересным считаем мнение В. М. Савицкого, считающего единственным различием между этими двумя формами контроля, помимо субъектно-организационного аспекта, - несинкретичность осуществления контрольной функции. Иными словами, автор уточнял, что надзор – непрерывная деятельность прокурора, а потребность прибегнуть к судебной форме возникает постольку-поскольку.¹

И с этой точкой зрения тяжело не согласиться. Рассмотрение особенностей института контроля не только через призму отведенных полномочий и позиции в системе разделения властей, но и через некую степень активности в осуществлении своих полномочий, представляется для нас как неординарный научный подход.

Общепринятым представляется деление судебного контроля на предварительный (принятие решение относительно просьбы следователя на

¹ Савицкий, В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. - С. 12.

проведение конкретного следственного действия) и дальнейший (оценка действий следователя, осуществившего неотложное следственное действие (не имея санкции суда)). Чтобы в дальнейшем не возникало недопонимания считаем необходимым отметить тот факт, что суд не вправе самостоятельно определять ход расследования, выдвинутый следователем, не говоря уж самостоятельном производстве следственных действий. Контроль у суда заключается непосредственно в разрешении вопросов допустимости производства следственных действий. Законодатель предусмотрел такую выборочность участия суда в реализации контрольной функции, лишив участников уголовного дела и теоретиков уголовного процесса предмета споров о заинтересованности суда в ходе предварительного расследования.

Казалось бы, институт контроля доведен до совершенства и декларируемые в уголовно-процессуальном законе положения определяют данный институт как полностью состоятельный, но и здесь не обошлось без проблем. К сожалению, некоторые установленные в законе гарантии не находят практического отражения. Зачастую перегруженный работой суд не заинтересован в реализации своей контрольной функции, что выражается в фактическом «штамповании» документов, присланных органами следствия. Можно констатировать наличие не личной заинтересованности, а напротив – общей незаинтересованности суда в рамках осуществления контрольной функции. Следовательно, такой неоднозначный подход суда порождает и другую проблему.

Поскольку процент судебных отказов приближен к 0%, следователи, видя отсутствие заинтересованности суда в осуществлении своих полномочий, составляют документы без мотивированного обоснования следственного действия. Не представляется возможным назвать этот безусловно важный для демократического общества институт, укрепляющий судебную власть, работающим в соответствии с вложенным в него смыслом.

Предметом судебного контроля (его прямой заинтересованности), на наш взгляд, могут являться лишь конституционные и неотъемлемые права граждан

(тайна переписки, неприкосновенность жилища и др.), но когда особенности дела не позволяют заключить его в рамки конституционного контроля, суд, фактически, бездействует.

В рамках научного препарирования института судебного контроля прослеживается 3 крайности. Одни ученые ратуют за ликвидацию данного типа контроля, другие утверждают, что хоть институт и несовершенен, но, фактически, работает хотя бы в рамках конституционного права, а третьи вообще не видят изъянов в данном институте и не рассматривают возможности его упразднения.

Мнения, предлагаемые первой группой сводятся к индифферентному отношению с точки зрения правосудия (отсутствие у суда интереса в отношении реализации контрольной функции), но пагубному с точки зрения нарушения основных принципов уголовного процесса (состязательность).

В. В. Кальницкий, являясь приверженцем упразднения института судебного контроля так же заявляет о пагубном влиянии контроля на конкретный процесс (правовой спор), и о реализации судьей, фактически, функции, с которой успешно может справиться и прокурор, но без учета мнений сторон.¹

Представляется логичным, что отсутствие состязательности в реализации судом полномочий по судебному контролю и его бесполезность в целом никак не влияют на проверку нарушений конституционных прав участников процесса. Этим и руководствуется вторая группа авторов, определяющая институт судебного контроля как обязательный для демократического правового государства аспект. Нельзя не согласиться с авторами, возводящими в особенности предмета судебного контроля не состязательность сторон, а тайну предварительного расследования.

Другая группа авторов настаивает на внезапности следственного действия, заявляя, что в целях своевременного пресечения возникает необходимость в

¹ Кальницкий, В.В. Материалы межведомственного круглого стола / Под ред. О.А. Галустяна, О.И. Цоколовой. М.: ВНИИ МВД России, 2003. - С. 32.

фактическом отчуждении у преступников их конституционных прав. Принцип внезапности в совершении следственных действий активно развит в уголовно-процессуальной системе ФРГ, но для государств, процесс которых нельзя считать инквизиционным подобные методы собирания доказательств представляются в большей степени – дикими и незаконными.

Мы вынуждены так же констатировать, что и Конституционный Суд РФ одобряет внезапность проведения следственного действия, напрямую противореча основным положениям Конституции РФ. Так, в Определении КС РФ от 25.03.04 сказано, что участие стороны защиты в судебном заседании пагубно бы повлияло на исход дела в целом, поскольку у нее появились бы вопросы относительно тайности (конфиденциальности) следственных действий. И в целом уведомление всех лиц, участвующих в деле о проведении следственного действия (отсутствия внезапного их эффекта) пагубно бы повлиял на установление истины по делу.¹

Нельзя сказать, что подобные высказывания главного судебного органа страны положительно отражаются на реализации сторонами принципа состязательности. Такой варварский подход к получению доказательств не позволяет нам говорить об уважении прав граждан и реализации их основных конституционных гарантий.

Круг полномочий, закрепленный за судом в рамках осуществления контрольной функции частично отражен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». К позитивным функциям суда Пленум относит²:

¹ Определение КС РФ от 25.03.04 г. № 124-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации". Электронная справочная система. «Юрист».

² Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Российская газета - Федеральный выпуск №4851

- проверка соблюдения порядка вынесения должностным лицом решения (постановления)

- проверка наличия полномочий у должностного лица на вынесение такого решения (постановления)

- проверка поводов и оснований для возбуждения должностным лицом постановления о возбуждении уголовного дела

- наличие \ отсутствие оснований, исключающих производство по уголовному делу

П. 2 ч. 16 вышеупомянутого Постановления закрепляет за судом обязанность не давать правовую (и фактическую) оценку обстоятельствам дела и присутствующим в нем материалам в рамках содержательной их части, поскольку возможны нарушения дальнейшего хода расследования.

По своей идее, суд должен проверить законность выдвигаемого следователем решения, но ни содержание ходатайства, ни обоснованность подобного решения суд оценивать не вправе. Считаю такой неоднозначный подход не приемлемым в рамках соблюдения неотъемлемых конституционных прав граждан, поскольку проанализированными, наряду с законностью, должны быть и обоснованность и мотивированность вынесенного сотрудником следственного органа решения.

Что же касается судебной практики, то необходимым считаю отметить, что суды, исследуя вопросы о законности действий сотрудников следственных органов, исходят из принципа «наличия достаточности оснований» в вынесении следователем конкретного процессуального решения. Отголоски инквизиционного процесса прямо прослеживаются в вынесенных российскими судами решениях.

Так, решением по делу № 22К-675/2017 судом апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан было определено, что любой рапорт оперуполномоченного об обнаружении признаков преступления может являться основанием для возбуждения уголовного дела, а данных, на которых основаны подобные доводы сотрудника

правоохранительных вполне достаточно для того, чтобы был соблюден этот самый принцип «наличия достаточных оснований».¹

Вопросы проблем дальнейшего судебного контроля зачастую встают боком в изучении их теоретиками уголовного процесса, и причиной тому является та самая «исключительность» случаев производства следственных действий. Так, исходя из положений ч.5 ст. 165 УПК РФ можно заключить, что следственные действия, проводимые без разрешения суда могут быть проведены в не терпящих отлагательства случаях. Законность подобного хода следователя проверяется судом в течение 24 часов с момента получения письменного уведомления от следователя о проведении неотложных следственных действий. Суд, замечая размытие границ с законом в осуществлении следователем своих полномочий признает результаты следственных действий не имеющими дальнейшей юридической силы по данному делу.

Анализ судебной практики по делам, связанным с «исключительностью» характера в производстве следственных действий позволяет нам выделить эти самые случаи исключительности:

- выявлены признаки готовящегося \ только совершенного преступления
- наличие сведений об утрате доказательствами своего первоначального вида (отсутствие потери информации)
- внезапность проведения следственного действия

Основными доводами, которыми оперирует следователь, заявляя о неотложности следственного действия, зачастую бывают доводы, связанные с временными особенностями собирания доказательств. Любое промедление может привести к потере доказательственной информации и воспрепятствованию в вопросах установления истины по делу.

Всякую форму судебного контроля можно связать по предмету и границам этого самого контроля. Отбрасывая отдельные элементы каждого уголовного

¹ Уголовное дело № 22К-675/2017 Суд апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан // Республика Дагестан, г. Махачкала

дела, можно закрепить, что судебный контроль – один из методов разрешения фактических споров с вынесением итогового решения.

На наш взгляд, проверить реализацию конституционных прав граждан можно только путем вмешательства в содержательную часть выносимого следователем решения, поскольку это задача суда, а институт следственных действий – инструмент для получения аподиктической истины по делу. Недопустимо формально относиться к такому пласту прав, как конституционные, поэтому суд должен активнее осуществлять свою контрольную функцию.

Что же касается положения прокурора в рамках осуществления надзорной функции, то следует отметить о некоторой законодательной новизне, привнесенной законодателем не так давно. Связаны эти изменения с наличием у прокурора внушительного спектра полномочий не только в осуществлении своих обвинительных функций по делу, но и в осуществлении надзорной функции. Ст. 37 УПК закрепляет процессуальное положение прокурора, декларируя, что прокурор уполномочен как осуществлять уголовное преследование, так и нести надзорную за органами обвинения функцию. Также ФЗ «О прокуратуре» определяет и предмет надзора – соблюдение прав и свобод граждан.

Подобные положения, казалось бы, возносят прокурора в ранги гарантов в обеспечении соблюдения прав и свобод граждан, однако, на практике возникает немало проблем относительно границ прокурорского надзора, поэтому заявлять о полнейшей состоятельности данного института не представляется возможным.

Теоретики советского уголовного процесса отмечали, что хоть у прокурора и имеется масса рычагов в вопросах несения им надзорной за следователем и дознавателем функции, сказать, что проблемы, возложенные на прокурора всецело решались не представлялось возможным. Сама замена руководителя следственного органа на прокурора не позволяла в полной мере осуществлять ему свои надзорные функции. Осуществляя некую погоню за двумя зайцами

(где с одной стороны – присмотр за действиями следователя, а с другой – несение своих «обвинительных» функций, институт прокуратуры зачастую не мог поймать ни одного.

Любопытным для понимания института надзора в уголовном процессе будет Определение КС РФ от 24. 02. 05 № 84-О, заключающее, что такой акт прокурорского реагирования как представление не несет абсолютных начал и не обязателен для насильственного исполнения, ведь прокуратура создавалась не для того, чтобы подменять другие государственные органы, но для того, чтобы по возможности их дополнять, заставляя устранить выявленные нарушения.¹

Наличие законодательных несостыковок так же не может положительно влиять на институт прокурорского надзора. Подобные законы возлагают на руководителей следственных органов полномочие информировать прокурора о расхождениях во мнении. Но что подразумевается под словом «информировать» - понять сложно. Подойдет ли устная форма для того, чтобы надлежащим образом уведомить прокурора о несогласии с выдвигаемыми им требованиями? Иными словами, если в рамках протоколирования следственных действий закон предусматривает наличие четкой письменной структуры подобного действия, то относительно ситуации, в которой следователь выражает несогласие с предписанием прокурора получить однозначный ответ про форму такого несогласия достаточно сложно и не предоставляется возможным.

Общие положения о порядке прокурорского реагирования на нарушения, допущенные в ходе производства следственных действий закрепляет за собой ст. 37 УПК РФ и представляет собой обязанность прокурора устранить нарушения федерального законодательства, но не фактические (технические) нарушения.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 84-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моторичевой Ирины Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 24 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации". Система «ГАРАНТ».

Новеллой для российского уголовного процесса является и изменения, внесенные в ФЗ «О прокуратуре» относительно делегирования прокурором некоторых надзорных функций следователю, повлекшие за собой значительный рост эффективности и полезности института обвинения.

В некоторых случаях даже прослеживается некая конкуренция в осуществлении контрольных функций органами следствия и прокуратуры, однако, считаем подобную форму конкуренцией не совсем состоятельной и полезной для российского уголовного процесса в целом, поскольку умаление надзорной функции прокурора может культивировать у следователей позиции личной заинтересованности по делу.

Некоторые авторы считают необходимым укрепить роль прокурора в уголовном процессе, наделив его прямыми правами об определении хода расследования и участия в следственном действии. Нельзя назвать подобные подходы состоятельными, поскольку, осуществляя такие полномочия, высока вероятность возвращения к советскому уголовному процессу. В настоящее время с реализацией подобных полномочий успешно справляются следователь и руководитель следственного органа. Что же касается прокурора, то он и так же как и следователь является заинтересованной в обличении виновного в совершении преступления лица.

В отличие от судебного контроля, прокурор имеет прямую обязанность, при наличии оснований (фактического нарушения закона) вмешиваться в ход предварительного следствия и устранять обнаруженные нарушения.

Что же касается руководителя следственного органа, то и на него подобные законодательные изменения сказались сугубо положительным образом, поскольку, осуществляя надзорную функцию он находится в «ведомственной» близости с субъектом своего надзора, что, в свою очередь, исключает синкретичность такого контроля и запоздалость в устранении обнаруженных нарушений.

Меры полезности и продуктивности прокурорского надзора обеспечиваются законодательно закрепленными средствами прокурорского реагирования (ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Наряду с прокурорским надзором нелишним было бы упомянуть так называемый «ведомственный» контроль, подразумевающий контроль над сотрудниками следствия не только непосредственными руководителями следственных органов, но и со стороны органов исполнительной власти. Подобная форма контроля направлена на решение организационных вопросов следственных органов и признана факультативным образом влиять на ход досудебного производства со стороны обвинения, выступая гарантом надлежащего его качества.

Исходя из вышесказанного полагаем, что институты судебного контроля и прокурорского надзора безусловно необходимы для соблюдения прав граждан, участвующих в процессе, но требуют более детального законодательного и теоретического изучения относительно некоторых своих аспектов. Суд является единственным гарантом в обеспечении гражданами своих конституционных прав, поэтому, о совершенстве данного института необходимо не только говорить, но и притворять полезные идеи в жизнь.

В настоящее время теория уголовного процесса хоть и сделала прорыв относительно института судебного контроля и прокурорского надзора, но структурно разобралась, по сути, только с первым.

В целом, в рамках института следственных действий (и смежных с ним) можно отметить, что его законодательное совершенство насколько облегчило жизнь многим правоприменительным работникам и положительно сказалась на уголовно-процессуальной системе в целом, настолько породило ряд системных вопросов, ответы на которые добываются путем теоретического анализа данного института.

В результате проведенных законодательных изменений и реформ был выработан и закреплен принцип состязательности, составляющий основу уголовного судопроизводства. Насколько необходимо иметь беспристрастный

независимый суд, настолько необходимо и обеспечить стороны равными правами в отстаивании своих интересов. Мы с уверенностью можем заявить, что уголовный процесс в РФ является смешанным, т.е. берущим свои начала от розыскного и смешанного процессов. Насколько важно установить истину по делу, настолько важно полно и всесторонне исследовать доказательства по делу, которые могут быть получены только легитимным путем.

Вопросы собирания доказательств путем производства следственных действий заслуживают первоочередного внимания, поскольку сами результаты следственных действий являются чуть ли не единственным источником доказательственной информации по делу, соответственно, и составляют квинтэссенцию обвинительного заключения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты системного исследования института следственных действий позволяют сформулировать мнение относительно дальнейшего улучшения и развития данного института.

1) разработать (собрать из уже имеющихся) и законодательно закрепить понятие «следственных действий», создав тем самым оптимальные условия для развития института следственных действий. Цель данной операции – организация единообразного понимания сущности института следственных действий, и исключение фривольного трактования этих действий как участниками со стороны защиты, так и стороны обвинения. Лишь тот институт может полноценно функционировать и быть полезным обществу, законодательные и фактические пробелы которого минимизированы, а, сам этот институт, напротив, имеет четкую структуру, свой предмет, методы и т.п. И если последним институт следственных действий не обделен, то основы (а понятие в т.ч. допустимо считать основой любого института) весьма расплывчаты.

2) параллельно с институтом следственных действий совершенствовать институт доказывания и доказательств, включающий порядок их производства, фиксацию и обнаружение доказательств. Может показаться, что эти аспекты следует соединить и за главенствующий взять именно институт следственных действий, однако не стоит путать нормативный контроль за следственными действиями, который можно веками совершенствовать и недоумевать, почему все больше и больше доказательств признаются недопустимыми, а уровень преступности не то, чтобы не перестает сокращаться, а неумолимо движется ввысь с практической составляющей и подготовкой квалифицированных кадров, которые будут не просто чтить свое положение по отношению к данному институту, имеющее прямое значение для дела, но и дорожить производством каждого следственного действия, получением каждого

отдельного доказательства, повышая процент допустимых доказательств и, тем самым, способствуя снижению процента преступности.

Полагаем, что правильным было бы закрепить в рамках уголовно-процессуального кодекса положения о доказательственном аспекте следственных действий, представив его в виде «реализации уполномоченными на то органами действий по производству следственных действий, цель которых состоит в собирании (извлечении) следов преступления. При этом, должностные лица, в обязанности которых входит проведение следственных действий, должны процессуально зафиксировать извлеченную информацию или смежные по уголовному делу факты».

3) Рассмотреть ныне существующие законодательные пробелы в классификации следственных действий, в кругу субъектов, правомочных осуществлять то или иное следственное действие, и, по необходимости, внести коррективы в структуру раздела 8 УПК РФ «Предварительное расследование» и выделить самостоятельную главу «Производство следственных действий». К следственным действиям, на наш взгляд, следует отнести:

- 1) осмотр (ст. 176-178, 180 УПК РФ);
- 2) освидетельствование (ст. 179, 180 УПК РФ);
- 3) следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ);
- 4) обыск (ст. 182, 184 УПК РФ);
- 5) выемку (ст. 183 УПК РФ);
- 6) контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ);
- 7) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ);
- 8) допрос (ст. 187-191 УПК РФ);
- 9) очную ставку (ст. 192 УПК РФ);
- 10) предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ);
- 11) задержание подозреваемого (ст. 91-93 УПК РФ);
- 12) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ);

13) производство судебной экспертизы (ст. 195-207).

Следует повториться, что именно этот перечень по мнению большинства теоретиков уголовного является всеобъемлющим и устраняющим наибольшее количество пробелов при производстве следователями следственных действий.

Исторический анализ института следственных действий дает нам повод еще раз убедиться в том, что российская уголовно-процессуальная система еще не полностью отошла от собственного понимания через призму советского уголовного процесса, но, обуславливаясь плодами научно-технического прогресса, заметно шагнула вперед по сравнению с досоветским периодом.

Изучив материалы судебной практики, трудно заявлять о единообразии понимания и применения норм уголовно-процессуального закона. Можно констатировать лишь о том, что зачастую неверное субъективное понимание правоприменительным органом позиций относительно конкретного следственного действия занимает главенствующее положение в решении о судьбах людей, что недопустимо с точки зрения правового государства, несущего в себе демократические начала.

Следственные действия являются неотъемлемой и единственной частью уголовно-процессуального закона, ориентированной на получение доказательств с последующим установлением истины по делу, и, поэтому, каждый аспект данного института должен быть теоретически изучен и апробирован, а законодательство – системным и лишенным двоякого толкования.

На основании вышеизложенных положений могут быть сформулированы и другие пути развития и совершенствования уголовного процесса в целом и следственных действий в частности. Подробно они упомянуты в самом исследовании.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что детальное изучение основных проблем института следственных действий, его совершенствование являются одним из важнейших аспектов, которые затрагивает наука уголовного процесса.

Перечень предложений, указанных в работе относительно перспектив развития института следственных действий, не является исчерпывающим и может претерпевать изменения, дополнения, поскольку рамки объема работы могут оставить некоторые проблемы и пути их решения за пределами исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел I Нормативные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека. Декларация прав и свобод человека и гражданина. М., 1993.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколы к ней // СЗ РФ. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2009 – №44. – Ст. 445.
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Одобрен СФ ФС РФ 26.12.1996. (в ред. от 05.02.2014).
5. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // Российское законодательство X–XX вв. – Т.8. – М., 1991.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 20 –21. – Ст. 329.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 года // Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года с внесёнными в него изменениями и дополнениями // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921 (в ред. от 17.04.2017).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 26 мая 1996 года с внесенными в него изменениями и дополнениями // СЗ РФ – 1996. – № 25. – Ст. 2954. (в ред. от 17.04.2017).

11. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. № 100 от 05.06.2002. (в ред. от 02.06.2016).

12. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З с изменениями и дополнениями от 22 июля 2003 г // Электронная справочная система «Юрист». Обновление от 12.06.2013.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206-І. // Электронная справочная система «Юрист». Обновление от 2.08.2009.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI. // Электронная справочная система «Юрист». Обновление от 13.04.2013.

15. Закон РСФСР от 27 октября 1960 года «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31 октября 1960 года. № 40. ст. 591.

16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу. / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Юристъ, 2004.

Раздел II Литература

17. Александрова, С. А. Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим / С. А. Александрова. - Воронеж, 2010. – 122 с.

18. Алексеев, Н.С., Даев, В.Г., Кокорев, Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев., В. Г. Даев., Л. Д.Кокорев. - Воронеж, 1980. – 13 с.

19. Алексеев, Н.С., Даев, В.Г., Кокорев, Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев., В. Г. Даев., Л. Д.Кокорев. - Воронеж, 1980. – 25 с.
20. Алонцева, Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда / Е. Ю. Алонцева – М.: Юрлитинформ, 2008. – 25 с.
21. Баев, О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации. Практическое пособие / О.Я. Баев. – М.: Эксмо, 2010. – 140 с.
22. Баев, О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика / О. Я. Баев - М., 2003. – 19 с.
- 23.Безлепкин, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // СПС «Гарант-Эксперт», 2011 г.
24. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Монография / Белкин А.Р. – М.: Норма, 2005. – 328 с.
25. Белкин, Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Белкин Р.С. – М.: Наука, 1966. – 195 с.
26. Белкин, Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р. С. Белкин - М.,1966. 49 – 91 с.
27. Бочинин, С. В. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве / С. В. Бочинин – Хабаровск.: Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2014. – 111 с.
28. Быховский, И.Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий. Учебное пособие / И.Е. Быховский – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1977. – 15 с.
29. Васильев, А.Н. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, М.: Госюриздат, 1959. – 418 с.
30. Винберг, А.И. Криминалистика. Раздел I: Введение в науку / А. И. Винберг – М.: Юрид. лит., 1950. – 178 с.

31. Винберг, А.И. Криминалистика. Раздел 1: Введение в науку / А. И. Винберг – М., 1950. – 112 с.
32. Воронин, С.Э., Меремьянина, О.В. Основания проведения следственных действий: Учебное пособие / С. Э. Воронин., О.В Меремьянина. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. – 62 с.
33. Демидов, И.Ф. Проблемы прав человека в Российском уголовном процессе. Концептуальные положения / И.Ф. Демидов – М.: Изд-во НИИ – 64 с.
34. Дубинский, А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы / Дубинский А.Я.; Отв. ред.: Чангули Г.И. – Киев: Наук. Думка, 1984. – 178 с.
35. Дубинский, А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы / Дубинский А.Я.; Отв. ред.: Чангули Г.И. – Киев: Наук. Думка, 1984. – 191 с.
36. Ефремова, С.В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса /С. В. Ефремова - Самара, 2004. – 311 с.
34. Зажицкий, В.И. Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам / В. И. Зажицкий – М.: Государство и право, 2009. № 7. – 22 с.
37. Зажицкий, В.И. Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / В. И. Зажицкий – М.: Государство и право, 2010. № 7. – 25 с.
38. Зажицкий, В.И. Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / В. И. Зажицкий – М.: Государство и право, 2010. № 7. – 122 с.
39. Кальницкий, В.В. Следственные действия: Учебно-методическое пособие / В.В. Кальницкий – Омск: ОМА МВД России, 2001. – 127 с.
40. Комягина, Ю.С., Лаврухин, С.В. Следственные действия: сущность, классификация, принципы / Ю. С. Комягина., С. В. Лаврухин – М.: Юрлитинформ, 2009. – 38 с.
41. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб. практич. пособие / В.А. Лазарева. – М.: Высшее образование, 2009. – 114 с.

42. Ларин, А.М., Мельникова, Э.Б., Савицкий, В.М. Уголовный процесс России: лекции – очерки / А. М. Ларин., Э. Б. Мельникова., В. М. Савицкий – М.: БЕК, 1997. – 200 с.
43. Ларин, А.М. Следственные действия (определение понятия, терминология) / А. М. Ларин - Иркутск, 1982. – 34 с.
44. Меремьянина, О.В. Основания проведения следственных действий / О. В. Меремьянина – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. – 44 с.
45. Очередин, В.Т. Следственные действия в уголовном процессе: Учебное пособие / В. Т. Очередин - Волгоград, 2008. – 121 с.
46. Победкин, А.В., Яшин, В.Н. Уголовный процесс / А. В. Победкин., В. Н. Яшин - М., 2004. -117 с.
47. Полуянова, Е.В. Следственные действия в уголовном процессе РФ: понятие, классификация и порядок производства / Е. В. Полуянова - Владимир, 2007. – 11 с.
48. Семенцов, В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве / В. А. Семенцов – Екатеринбург, 2006. – 111 с.
49. Семенцов, В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): Монография / В.А. Семенцов – Екатеринбург. УрГЮА, 2006. – 330 с.
50. Семенцов, В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): Монография / В.А. Семенцов – Екатеринбург. УрГЮА, 2006. – 132 с.
51. Семенцов, В.А., Скребец, Г.Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования / В.А. Семенцов., Г.Г. Скребец – М.: Юрлитинформ, 2009. – 123 с.
52. Семенцов, В.А., Скребец, Г.Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования / В.А. Семенцов., Г.Г. Скребец – М.: Юрлитинформ, 2009. – 154 с.

53. Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов / Сост. А.М. Баранов, П.Г. Марфицин. Омск: юрид. ин-т МВД РФ, 1997. - 121 с.
54. Соловьёв, А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики). Научно-методическое пособие / А. Б. Соловьёв – М.: «Юрлитинформ», 2006. – 156 с.
55. Соловьёв, А.Б., Токарева, М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России / А. Б. Соловьёв – М.: Юрлитинформ, 2010. –24 с.
56. Строгович, М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович – М.: АН СССР, 1955. – 184 с.
57. Торбин, Ю.Г. Освидетельствование в Российском уголовном процессе (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты): Практическое пособие / Ю.Г. Торбин. – М.: Экзамен, 2005. – 132 с.
58. Торбин, Ю.Г. Освидетельствование в Российском уголовном процессе (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты): Практическое пособие / Ю.Г. Торбин. – М.: Экзамен, 2005. – 167 с.
59. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное. М., Юрид. лит., 1973. – 211 с.
60. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник /Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юность, 2003. – 714 с.
61. Халиков, А.Н. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / А.Н. Халиков. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 11 с.
62. Халиков, А.Н. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / А.Н. Халиков. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 27 с.

63. Цыденова, О.Г. Нравственно-правовые основы деятельности адвоката-защитника на предварительном следствии в российском уголовном судопроизводстве / О. Г. Цыденова - Иркутск, 2006. – 21 с.

64. Шейфер, С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Учебное пособие / Шейфер С.А.; Отв. ред.: Лупинская П.А. – М.: РИО ВЮЗИ, 1972. – 140 с.

65. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. / С.А. Шейфер. – М.: Юрид. лит., 1981. – 138 с.

66. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. / С.А. Шейфер. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.

67. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Монография / Шейфер С.А. – Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2008. – 132 с.

68. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Монография / Шейфер С.А. – Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2008. – 161 с.

Раздел III Постановления высших судебных инстанций и материалы юридической практики

69. Постановление Европейского суда по правам человека от 27.09.2007 «Дело «Джавадов (Dzhavadov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российск. издание. 2008. № 2.

70. Определение КС РФ от 25.03.04 г. № 124-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 УПК РФ // Российская газета № 3437 от 1.04.04.

71. Уголовное дело № 1-1023-16 от 18.11.16 // Якутский городской суд Республики Саха (Якутия).

72. Решение по делу 22-1601/2016 от 1.08.2016// Верховный суд республики Коми.
73. Уголовное дело № 1-18/2017 от 23.03.17 // Челябинский мировой суд судебного участка №4 Челябинской области
74. Уголовное дело № 22-167\2017 от 23.03.17 // Рязанский областной суд Рязанской области
75. Уголовное дело № 22-1103/2017 от 5.05.17 // Судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда
76. Уголовное дело № 1-8/2017 от 14.03.17 // Селивановский районный суд Владимирской области
77. Уголовное дело № 22-1365\17 от 2.03.17 // Судебная коллегия по уголовным делам Пермского краевого суда Пермского края
78. Уголовное дело № 22-589\17 от 22.02.17 // Судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда Саратовской обл.
79. Уголовное дело № 22К-675/2017 Суд апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан // Республика Дагестан, г. Махачкала
80. Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 84-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моторичевой Ирины Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 24 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" // Система «ГАРАНТ».
81. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета - Федеральный выпуск №4851
82. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. - 1923. - № 7.